

801-15

1781

9/16.
1561

В. Жабоковъ.

НЕ КРИТИЧЕСКИ

Пюрежкие досузи.

Оттискъ изъ газеты „Право“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, В. Подъяч., № 39.

1908.

2011138117

Тюремные досуги.

Въ первый разъ я постилъ такъ называемые «Кресты» — по официальной терминологии с.-петербургскую тюрьму — лѣтъ двадцать тому назадъ, студентомъ-второкурсникомъ, въ качествѣ участника ежегодной «экспедиціи съ научной цѣлью». Предводительствовалъ нами проф. И. Я. Фойницкій, читавшій тогда курсъ тюремовѣдѣнія. Экспедиція начиналась обыкновенно съ Литовскаго замка, потомъ осматривался домъ предварительнаго заключенія, и — pour la bonne bouche — «Кресты». Кажется, въ то время еще это названіе не успѣло сдѣлаться ходячимъ. Во всякомъ случаѣ, съ нимъ еще не соединялось воспоминаніе о цѣлой эпохѣ русской исторіи, создавшей своеобразный «тюремный цензъ». «Кресты» интересовали исключительно какъ новая, «по послѣднему слову науки» выстроенная одиночная тюрьма. Тогда еще увлекались одиночнымъ заключеніемъ, не сознавая, что наказаніе это, если не говорить объ отдѣльных, совершенно исключительныхъ, случаяхъ, представляется изобрѣтеніемъ нецѣльнымъ и нецѣлесообразнымъ въ самомъ своемъ основаніи. Тюрьма была совершенно новая, «съ иглочки». Она поражала чистотою, свѣтомъ, грандіозностью. Служащіе съ гордостью и удовольствіемъ рассказывали о милліонахъ, потраченныхъ на нее. Подъ вліяніемъ всего этого, ни у кого изъ насъ не было, думаю, ощущенія, что мы попали въ жилище мукъ и скорби. Намъ

могло казаться, что передь нами какая-то удивительная лабораторія, въ которой помощью самых усовершенствованныхъ, гуманныхъ и дорогихъ средствъ «борются» съ преступностью, исправляя преступниковъ. Все же я живо помню, какое гнетущее впечатлѣніе производили обитатели этой лабораторіи. Среди блеска выложенныхъ стѣнъ, въ «уютныхъ» кельяхъ, чисто одѣтые, они казались тѣми же затравленными, безконечно тоскующими, изподлѣбя глядящими, берегущими какую-то мрачную думу, какъ и ихъ менте счастливые товарищи, попавшіе въ мрачные и грязные казематы Литовскаго замка.

Десятки лѣтъ спустя, въ концѣ девяностыхъ годовъ и въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія, я уже самъ предводительствовалъ подобными экспедиціями, въ качествѣ преподавателя уголовного права въ училищѣ правовѣдѣнія. Въ прежнія — не очень, впрочемъ, отдаленныя времена, — эти поѣздки юныхъ правовѣдовъ по тюрьмамъ носили самый откровенный характеръ веселой *partie de plaisir*. Такимъ я ихъ помню по разсказамъ моихъ старшихъ братьевъ, правовѣдовъ выпуска 1888 года. Въ репертуаръ входило посѣщеніе исправительной колоніи, находящейся далеко за городомъ. Нанимались многочисленныя тройки, захватывали завтракъ съ большимъ количествомъ булылокъ. «Начальство» принимало участіе въ «пикникѣ». Едва ли уголовно-юридическія познанія будущихъ служителей Фемиды много выигрывали при этомъ. Я уже не засталъ этихъ поѣздокъ за-городъ. Онѣ были запрещены попечителемъ училища послѣ одного случая, показавшаго истинный характеръ «научной экспедиціи». Во время моего преподаванія (съ 1896 по 1904 годъ), ежегодныя поѣздки захватывали, кромѣ Литовскаго замка, дома предварительнаго заключенія и «Крестовъ», еще пересыльную тюрьму — одну

изъ отвратительнѣйшихъ, когда либо мною видѣнныхъ, а также антропометрическое бюро при сыскомъ отдѣленіи. Отъ старыхъ традицій остался только обычай заканчивать поѣздки чиннымъ обѣдомъ въ ресторанахъ, съ профессорами и административнымъ начальствомъ. Сколько мнѣ извѣстно, весь этотъ ритуаль сохранился и до сихъ поръ.

Такимъ образомъ, я разъ пять или шесть осматривалъ пресловутые «Кресты». Помню, при этомъ, одинъ маленький опытъ, который почти неизбѣжно повторялся при каждомъ осмотрѣ. Всегда находилась юнца, просившіе залережь ихъ на нѣсколько минутъ въ одну изъ пустыхъ камеръ, для того, чтобы испытать «какое будетъ ощущеніе». Помнится, что и меня преслили продѣлать этотъ опытъ. Обыкновенно выходили потомъ со вздохомъ облегченія, хотя иные увѣряли, что сидѣть, должно быть, вовсе не такъ непріятно. Едва ли и бы тогда повѣрилъ, если бы кто-либо мнѣ тогда сказалъ, при какихъ условіяхъ и послѣ какихъ событій я черезъ немного лѣтъ буду реальнѣйшимъ образомъ проверять тогдашній быстротечный «опытъ».

По правдѣ сказать, эти поѣздки учащейся молодежи, удовлетворяя скорѣе любопытство, чѣмъ любознательность, мало имѣютъ значенія. Конечно, онѣ знакомятъ — да и то поверхностно — будущихъ судей и прокуроровъ съ тѣми внѣшними формами, въ которыхъ протекаетъ наказаніе. Но главная и въ сущности единственно важная сторона наказанія — отраженіе его въ психикѣ заключеннаго, душевныя переживанія послѣдняго — эта сторона остается въ тѣни, совершенно незатронута. Получается чисто-формальное представленіе.

Надо, впрочемъ, прибавить, что формализмъ этотъ соответствуетъ повсемѣстно господствующему еще въ настоящее время воззрѣнію на задачи и сущность исправленія правосудія. И,

как известно, только в самое последнее время выдвинулся и поставлен на очередь вопрос об установлении более близкой связи между отправлением правосудия и исполнением наказания. До тех пор, пока судья будет ограничиваться чисто-абстрактной задачей подведения данного частного случая под общую норму закона и будет затем определять меру наказания «на глазок», то руководствуясь совершенно случайными соображениями, то повинная своему темпераменту или посторонним влияниям, а перед тюремщиками будет однородная (в их глазах) масса лиц, объединенных только одним чисто-формальным признаком («арестанты»), до тех пор о «целесообразной карательной политике» едва ли может быть речь.

* *

Как бы то ни было, и имѣю право сказать, что 14 мая 1908 г. «Кресты» встрѣтили меня, какъ стараго знакомаго. Со времени моихъ первыхъ посѣщеній, тюрьма, разумеется, пообносилась.

Несмотря на всѣ старанія держать ее въ полной чистотѣ, «теченіе времени» сказалося и на почеркѣвшихъ, изрѣзанныхъ и винтавшихъ въ себя всевозможныя пятна столикахъ, и на весьма непрезентабельныхъ «парашкахъ», и на общемъ видѣ келій. Все же и сейчасъ «Кресты» могли бы быть названы «образцовой» тюрьмой, если бы не одна отвратительная подробность, допущенная при самой постройкѣ: я говорю объ отсутствіи воды, проведенной въ кельи. Можетъ быть, въ небольшихъ тюрьмахъ, гдѣ скучено небольшое количество сидѣльцевъ, и гдѣ можно на каждого возлагать обязанность очищать свою келью, такое устройство допустимо, хотя и здѣсь рациональность его по меньшей мѣрѣ спорна. Но въ «Крестахъ» получается нѣчто нестерпимое.

Ежедневно отъ шести до шести съ половиною часовъ утра весь тюремный корпусъ наполняется омерзительнымъ зловоніемъ¹⁾ отъ массоваго выноса и очищенія «парашекъ». Это—первое впечатлѣніе дня. Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, едва ли не самая неприятная для культурнаго человѣка подробность тюремной жизни. Правда, лѣтомъ благодаря, повидимому, хорошей вентиляціи, запахъ этотъ скоро и безслѣдно исчезаетъ. Но это не оправдываетъ самаго устройства, нецѣлесообразнаго и неоправданнаго при всякихъ условіяхъ.

По «исзависящимъ отъ меня обстоятельствомъ» и къ крайнему моему огорченію, мнѣ не пришлось «есть» одновременно съ моими товарищами. Глупѣйшая, но именно потому, какъ обыкновенно бываетъ, совершенно необходимая формальность не была исполнена: палата не постановила приговора «по совокупности» двухъ моихъ прегрѣшеній: выборгскаго воззванія и редакторскихъ «промаховъ» въ покойномъ «Вѣстникѣ Партіи Народной Свободы».

Оказалось, что отдѣленіе меня отъ моихъ товарищей принесло мнѣ нѣкоторыя маленькія вышнія выгоды. Какъ известно, первая партія осужденныхъ членовъ 1-ой думы прибыла въ количествѣ около двадцати человѣкъ. Этому количеству естественно соотвѣтствовало количество чемодановъ, мѣшковъ, тюковъ и т. п. И такъ какъ некому было сразу внести всю эту массу, то пришлось всѣмъ на собственныхъ плечахъ и спинахъ таскать свои пожитки. Я очутился въ другомъ положеніи и произведенные мною наказуемъ опыты поднятія и ношенія чемодана и мѣшка оказались на этотъ разъ излишними. Затѣмъ, неизбежныя мытарства, сопровождающія

¹⁾ Надо прибавить, что я сидѣлъ лѣтомъ, когда окна открыты и есть возможность немедленно устроить вентиляцію. Что должно дѣлаться зимой отказываюсь себѣ представить.

принятіе человека въ тюрьму, какъ во всякое другое казенное мѣсто, для меня прошли скоро. Могу себѣ представить, какъ долго она тянулись для моихъ товарищѣхъ!..

Разрѣшеніе вопроса (весьма интересующаго каждого, садыщагося въ тюрьму), что можно и чего нельзя брать съ собой въ келью, повидимому, не зависитъ отъ какихъ-либо твердо установленныхъ правилъ. Однѣя мой старый пріятель, занимающій весьма высокопоставленное мѣсто въ тюремномъ вѣдомствѣ, предварительно ную запрощенный, дажъ мнѣ ридъ свидѣній, совершенно не оправданыхъ на дѣлѣ. Но его трудно винить. Сами завѣдующіе тюрьмой рѣшаютъ, повидимому, вопросъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, по вдохновенію. Но уже и здѣсь сразу замѣтитъ тотъ характеръ мелочныхъ и въ нѣмъ рациональномъ не основанныхъ придирокъ, которыя такъ ощутительны во всемъ тюремномъ режимѣ.

Разрѣшается, напримѣръ, брать съ собою не болѣе трехъ книгъ (словари, грамматики, а также библія въ этотъ счетъ нейдутъ, но и словарь и грамматику можно брать только въ единственномъ числѣ); сверхъ того, можно держать три книги изъ тюремной библіотеки. Эта послѣдняя, составленная, сколько мнѣ извѣстно, главнымъ образомъ изъ пожертвованій, отличается совершенно случайнымъ подборомъ книгъ. Еще полнѣе другаяхъ отдѣлѣ беллетристики: тутъ почти всѣ русскіе классики, а также изрядное количество новыхъ и новѣйшихъ авторовъ, въ изданіяхъ «сборниковъ Знания», «Шяповника» и др. Гораздо слабѣе иностранннй отдѣлъ, разумѣется, сплошь переводный. Въ другихъ отдѣлахъ: исторіи и критика, естествовѣдѣнія, общественныхъ наукъ,—господствуетъ полная безсистемность. На нихъ всего замѣтите, что библіотека пополнялась благодаря пожертвованіямъ. Авторы, сидѣвшіе въ «Крестахъ», пред-

ставлены всего полнѣе. Разумѣется, систематически работать, пользуясь такой библіотекой, невозможно. Само большее, что она можетъ давать—это подспорье, развлеченіе. А между тѣмъ ограниченіе собственныхъ книгъ числомъ 3 тоже сильно мѣшаетъ. Конечно, было бы странно и невозможно разрѣшать брать съ собою библіотеку. Но почему возбранено пользоваться десяткомъ—другимъ книгъ, нужнымъ въ данное время? Какъ всегда, такъ и здѣсь «возможность злоупотребленій» въ единичныхъ случаяхъ заставляетъ принимать противъ всѣхъ стѣснительныя общія мѣры. Злоупотребленія оттого не рѣже, такъ что прямая цѣль не достигается. И такъ во многомъ. Велика сила рутины!

Число «8» вообще является какимъ-то завѣтнымъ. Вѣдь нельзя брать сразу болѣе трехъ штукъ каждой категоріи. Съѣстные припасы съ собой можно взять невозбранно,—по крайней мѣрѣ, теперь это такъ, пока этого права не коснулись циркуляры г. Щегловитова. Все остальное опредѣляется «неписаннымъ» правомъ, и повидимому не для всѣхъ одинаково. Такъ, Н. Ѳ. Езерскому были разрѣшены плоды, а полоскательной чашки онъ съ трудомъ добился. Я же, наоборотъ, не встрѣтилъ возраженій противъ резиновой ваяночки, но плодъ мнѣ былъ разрѣшенъ не безъ колебаній и скорѣе въ видѣ исключенія.

Принимавшій меня офицеръ, еще, повидимому, не отучавшійся конфузиться въ подобныхъ случаяхъ, назвалъ мнѣ вещи, которыя съ собою запрещено имѣть, и выразилъ надежду, что у меня ихъ нѣтъ, и что меня не нужно обыскивать. Я подтвердилъ, что кромѣ никкелевыхъ часовъ и карандаша ничего при себѣ не имѣю, но прибавилъ, что обыскъ для меня совершенно безразличенъ. Офицеръ, вѣжливо отозвался: «я вамъ вѣрю». Затѣмъ меня отвели во временную камеру, темную, мрачную, грязную, съ двумя

железными рѣшетками, впереди и позади окна. Тамъ, пока готовилась моя «собственная» камера и производилась канцелярская работа по приемѣ меня, я дождался часа два, занимаясь изученіемъ каталога тюремной библіотеки, выписываніемъ номеровъ книгъ, изученіемъ высящаго на стѣнѣ перечня блюдъ и предметовъ, которые можно выписывать изъ потребительной лавки, находящейся при тюрьмѣ.

Тутъ же я впервые почувствовалъ себя «въ тюрьмѣ». Не успѣвъ надзиратель отойти отъ моей двери на нѣсколько шаговъ, какъ за стѣной раздался быстрый и дробный стукъ: сосѣдъ освѣдомлялся. Я не отвѣчалъ, не зная алфавита и считая безцѣльнымъ откликаться минутному сосѣду. Кстати сказать, при поступленіи въ тюрьму я твердо рѣшилъ не перестукиваться. Мнѣ казалось, что въ столь короткое время, какое намъ предстояло отсидѣть, выучиться легко понимать и говорить довольно трудно, и что утомленія и нервнаго раздраженія получится больше, чѣмъ удовольствія и пользы, тѣмъ болѣе, что въ тюрьмѣ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, возможно выбирать знакомства и есть болѣе всего шансовъ, что они окажутся мало желательными. Это рѣшеніе я выполнялъ. Въ той кельѣ, куда я окончателно былъ помѣщенъ, это оказалось нетруднымъ: одна изъ сосѣднихъ келій была пуста, а въ другой помѣщался кто-то, державшійся, повидимому, тѣхъ же правилъ, какъ и я. Первый же мой сосѣдъ довольно долго и назойливо добивался отъѣта и даже ухитрился откуда-то—вѣроятно, черезъ вентиляціонный аппаратъ, помѣщающійся у «парашки» замогильнымъ голосомъ звать меня «товарищъ!» Это ощущение—невидимаго присутствія рядомъ съ собой волнующагося и всячески заявляющаго о своемъ существованіи человека—крайне тягостно и чисто-психически стѣснительно.

Часа черезъ два я былъ переведенъ, со всѣмъ

моимъ хозяйствомъ, книгами и бѣльемъ въ другую келью, несравненно лучшую, во второмъ этажѣ (по наружному фасаду; внутри же помѣщенія она оказывалась въ первомъ), безъ внутренней рѣшетки передъ окномъ. Она была чисто прибрана,—матрацъ на койкѣ былъ хотя и немилосердно твердъ, но толще, чѣмъ въ первой кельѣ. Мнѣ дали второй табуретъ, на которомъ я и сложилъ свое бѣлье.

Опишу внутренній видъ камеры. Она представляетъ сводчатую комнату, дланю въ шесть, шириною въ четыре съ половиной, вышиною—приблизительно и въ самой высокой точкѣ—въ пять аршинъ. Отъ входной двери налѣво—узкая, но достаточно длинная даже для большого роста железная койка, съ тюфякомъ и подушкой, набитой соломой. Койка въ шесть часовъ утра должна быть поднята—до восьми вечера. Для меня это не было въ тягость: я рѣшилъ все равно ни въ какомъ случаѣ днемъ не ложиться, чтобы обезпечить себѣ хороший ночной сонъ. Но, повидимому, само начальство понимаетъ, что стѣсненіе это можетъ для иныхъ быть прямо физически мучительнымъ, и само подсказываетъ «обращеніе къ доктору, который-де можетъ выдать свидѣтельство». Но я отвѣтилъ, что въ такомъ врачевномъ предписаніи не нуждаюсь.

Впоследствии, однако, мнѣ пришлось воспользоваться докторскимъ разрѣшеніемъ, такъ какъ невозможность днемъ отдохнуть, въ особенности въ жаркіе июльскіе дни, оказалось трудно переносимой. У ногъ койки, въ углу налѣво,—уже упомянутая параша: деревянный ящикъ на ножкахъ, съ глинянымъ горшкомъ, двумя крышками и вентилярующей трубой. Само по себѣ это приспособленіе совершенно безъ зловонія, и присутствіе его въ кельѣ незамѣтно. Надъ парашей—полочка для умывальныхъ предметовъ, съ кружкой и мѣднымъ кувшиномъ; подъ полкой, на стѣнѣ, виситъ мѣдный тазъ.

Направо отъ входа: кнопка для вызова служителей; приборъ для нагреванія паромъ; да-дѣе по стѣнѣ небольшой деревянный подвижной столик и круглый легкій «вѣвскій» табуретъ, также подвижной. Къ лѣвому углу у окна двѣ крохотныя полочки для вещей; въ правомъ—образокъ Спасителя.

Надъ столикомъ свѣшивается электрическая лампа, которая можетъ быть оттянута на крючокъ, вѣданный въ срединѣ потолка ¹⁾).

Полъ въ кельѣ бетонный, выкрашенный въ черную краску, вѣчно пачкающую. Устройство это хорошо тѣмъ что воду можно проливать, сколько угодно, а это необходимо, если только не отказаться отъ утренняго туалета. Стѣна и потолокъ выкрашены въ голубовато-сѣрый цвѣтъ, съ тонкой синей полоской, раздѣляющей ихъ.

Подоконникъ находится на высотѣ приблизительно—2¹/₄ аршинъ. Будучи роста выше средняго, я могъ, приподнимаясь на цыпочки, видѣть довольно большую часть двора. Для людей средняго роста это невозможно. На табуретъ становиться запрещено, и такъ какъ бывали случаи шальной стрѣльбы въ нарушителей этого запрета, то онъ теперь, повидимому, соблюдается. Конечно, бываютъ часы дня, когда опасности стрѣльбы нѣтъ. Но неприятно сознавать себя школьникомъ, который ежеминутно можетъ быть пойманъ и уличенъ.

Окно достаточно большое, съ широкимъ, слегка покатымъ подоконникомъ и двумя рамами. Въ верхней части—форточка, которая можетъ оставаться открытой круглыя сутки, самое же окно съ восьми часовъ вечера до шести утра закрыто и заперто на замокъ.

Днемъ оно въ лѣтнее время, по крайней мѣрѣ, все время широко раскрыто.

¹⁾ Скверная метелка для подметанія кельи и грязное ведроко дополняютъ „обстановку“.

Наружная рѣшетка—изъ семи довольно толстыхъ, но достаточно широко разставленныхъ желѣзныхъ прутьевъ въ вертикальномъ направленіи, и одного—въ горизонтальномъ. При массѣ имѣющихся въ Петербургѣ помѣщеній (особенно въ нижнихъ этажахъ) съ подобными рѣсетками, она особенно «тюремнаго» впечатлѣнія не производитъ.

Подъ окномъ моимъ—большой дворъ, средину котораго занимаетъ садикъ, окружностью въ 150 шаговъ, окаймленный тротуаромъ и прирѣзанными двумя пересѣкающимися дорожками. Деревья молодыя, еще не успѣвшія разрастись, но какъ отдыхаетъ взоръ на каждомъ листикѣ, на каждой вѣткѣ. Въ этомъ дворѣ гуляютъ заключенные того корпуса, въ которомъ я помѣщенъ. Прогулка совершается дважды въ день: начиная съ 7 до 11-ти и съ 1 часу до пяти. Заключенные гуляютъ партіями по 30 человекъ, на разстояніи пяти шаговъ другъ отъ друга, все въ томъ же направленіи, сохраняя полное молчаніе, подъ наблюдениемъ четырехъ надзирателей (по одному въ каждомъ углу). На одного «политическаго» приходится въ среднемъ 5—6 «уголовныхъ». Первые носятъ собственное платье, послѣдніе—полотняную куртку и такіе же штаны. Прогулка продолжается 20 минутъ, что соответствуетъ приблизительно двумъ верстамъ. Итого въ день—четыре версты. Заключенные, отбывающіе въ тюрьмѣ наказаніе крѣпостью, находятся на особомъ положеніи. Они гуляютъ вмѣстѣ и могутъ разговаривать. Ежедневно два раза до меня доносились эти разговоры, необыкновенно шумныя, оживленныя и задорныя. Въ огромномъ большинствѣ это зеленая молодежь, относящаяся, повидимому, крайне философски къ своему положенію.

Отъ Арсенальной набережной садъ отдѣленъ высокой кирпичной стѣной. За нею—улица и Нѣва, которую я могу видѣть только, стоя на

табуретѣ. Но противоположный берег — какъ на ладони, а слѣва солидно возвышается старый знакомый — куполь надъ ротондой Таврическаго дворца.

До сихъ поръ, я не могу побороть волненія при взглядѣ на Таврическій дворецъ. И конечно, въ данной обстановкѣ имѣть его передъ глазами — значитъ видѣть передъ собою какъ бы воплощеннымъ то короткое и недавнее, но кажущееся такъ безконечно далекимъ прошлое, которое ни намъ, ни исторіей забыто не будетъ.

Боже мой! Неужели всего только два года тому назадъ, какъ разъ въ это время ¹⁾, подъ этимъ куполомъ горѣла такая лихорадочная жизнь, — сотни людей, облеченныхъ званіемъ первыхъ свободно выбранныхъ представителей русскаго народа, ежедневно съ ранняго утра до поздняго вечера, а многіе зачастую до утра слѣдующаго дня, забывъ обо всемъ личномъ, забросивъ всѣ свои дѣла и интересы, проникнутые только мыслью о великомъ, павшемъ на нихъ, дѣлѣ, безъ устали трудились, болѣя душой надъ массой неразрѣшенныхъ задачъ, окруженные атмосферой страстнаго и нетерпѣливаго ожиданія. Живо помню «атмосферу» этого сказочнаго времени, постоянные попреки и упреки, что «дума уже столько-то дней засѣдаетъ, а тюрьмы все переполнены, амнистія нѣтъ», помню ежедневную ожесточенную травлю, которую крайняя лѣвая пресса тогда вела противъ руководящей въ думѣ партіи, обливая ее ненавистью и презрѣніемъ и требуя отъ нея, чтобы она не препятствовала побѣдоносному шествію «революціоннаго народа». Помню загадочную молчаливость министерства вначалѣ, его двусмысленную декларацию, мѣстами какъ бы ищущую компромисса, но по существу бросающую вызовъ народному

представительству, — потому открытый разрывъ, сознаніе, что государственная работа попала въ тупикъ, ежедневные толки то о роспускѣ, то о кадетскомъ министерствѣ. Помню постоянные, изматывающіе душу и треплющіе нервы «конфликты» съ трудовой группой, недовѣріе и непониманіе... И въ этомъ хаосѣ, въ условіяхъ небывало трудныхъ, не имѣя ни малѣйшей реальной силы и страшно обманываясь въ оцѣнкѣ силы моральной, приходилось закладывать основы парламента, взрывать дѣйствительную почву.

Да, то было тяжелое, мучительное время. Припоминаю, какъ нервѣю въ ранніе утренніе часы, послѣ продолжительнаго вечерняго засѣданія фракціи, дневного бурнаго и напряженнаго думскаго засѣданія и утренней кропотливой работы въ комиссіяхъ, я выходилъ изъ дворца, чтобы черезъ нѣсколько часовъ въ него возвратиться. Май и іюнь въ тотъ годъ были исключительно прекрасны, и въ ранніе утренніе часы садилъ передъ дворцомъ сладко и приятно благоухалъ. Проѣзжая по свѣтлымъ, пустымъ и соннымъ улицамъ, по набережной царственной Невы, особенно грандіозной въ это время, — я, помню, постоянно терзался одной мыслью: всѣ наши труды напрасны, вся эта уйма усилий и работы пропадетъ даромъ, враждебныя силы только пританисъ, ждутъ благоприятнаго момента, и когда онъ его выберутъ, намъ нечего будетъ противопоставить имъ, кромѣ сознанія своей правоты и исполненнаго долга.

И все же, какъ ни тяжелы, какъ ни мучительны были многія мысли и опущенія того времени, я бы не отдалъ его, если бы могъ. Если дума — первая дума — оказалась безсильною, то она явила исторію и народу незабываемый примѣръ служенія великому дѣлу и великимъ идеаламъ. И выше упомянута о конфликтахъ между партіями: эти конфликты объясня-

¹⁾ Писано 20 мая.

лись различною оцѣнкою политическаго положенія, различными тактическими взглядами. Но по существу своихъ стремленій дума была одина. Она ихъ выразила въ своемъ адресѣ, который былъ ея первымъ словомъ и остался завѣщаніемъ будущему. Въ первой думѣ не было мѣста своеобразнымъ личнымъ, сословнымъ или матеріальнымъ интересамъ. Партианая борьба въ ней не превращалась въ удичныя схватки. Въ ней не было междоусобной ненависти: была лишь одна ненависть—къ темному прошлому, къ насилію, къ беззаконію...

Но я откликся въ прошлое. Смотри теперь на куполъ Таврическаго дворца и представляя себѣ, что теперь подъ нимъ происходитъ, я перестаю вѣрять, что дѣйствительно только два года отдѣляютъ насъ отъ того времени. Теперь тамъ «торжество побѣдителей», а здѣсь, на правомъ берегу Невы уготовано мѣсто побѣжденныхъ... и все же я, по совѣсти говоря, не помѣнялся бы съ этими «побѣдителями» ролями.

* * *

Меня чрезвычайно интересовали первые ощущенія, первые дни лишенія свободы. Какъ реагируетъ психика на это внезапное, рѣзкое измѣненіе обычныхъ житейскихъ условий, на эту совершенно новую обстановку. Я много читалъ и о неприятномъ ощущеніи отъ запертой двери,— прямо физически вѣщающей,—и о чувствѣ тѣсноты, и о тоскѣ, охватывающей заключеннаго. Конечно, я долженъ оговориться: при всѣхъ этихъ ощущеніяхъ огромную роль долженъ играть вопросъ о срокѣ заключенія. Разно относятся къ своему положенію человѣкъ, сѣвшій на 1—1½ года ¹⁾, и сосѣдь его, отбывающій краткосрочное наказаніе. Правда, три мѣсяца въ

¹⁾ Не говоря уже о долгосрочныхъ о приговоренныхъ къ каторгѣ и т. п.

тюрьмѣ—совсѣмъ не то, что три мѣсяца «на волю». Но сознаніе краткости срока несомнѣнно оказываетъ даже при этихъ условіяхъ ободряющее вліяніе.

Какъ бы то ни было, я долженъ констатировать полное отсутствіе какихъ бы то ни было специфическихъ ощущеній. Можетъ быть этому отрицательному результату послуживали вѣкоторыя мѣры, которыя я принялъ въ первый же день, и которыя настоятельно рекомендую всѣмъ, отбывающимъ тюрьму въ подобныхъ условіяхъ.

Какъ только я очутился съ своими вещами въ предназначенной мнѣ кельѣ, я тотчасъ же принялся устраниваться, стараясь придать вѣкоторое подобіе уютности помѣщенію, которое по существу своему есть отрицаніе всякой уютиности. Разставляя вещи, покрывъ столикъ и табуретъ салфетками, закрылъ «парашу» бумагой и полотенцемъ, вынулъ книги и письменныя принадлежности. Даже съ помощью весьма немногихъ предметовъ можно придать кельѣ личный отпечатокъ и если не «чувствовать себя какъ дома, то во всякомъ случаѣ не ощущать ежeminутно «тюрьмы». Вслѣдъ затѣмъ я сѣлъ за столъ и принялся составлять дневное расписаніе, одно на всю недѣлю, и слѣдовательно на весь срокъ. Работа эта была скоро закончена, я прикрѣпилъ расписаніе булавкой къ висѣщему на стѣнѣ картонному объявленію—прейскуранту потребительной лавки и съ перваго же дня занялъ «по расписанію». Привожу его полностью.

Въ пять часовъ утра—вставаніе, умываніе, одѣваніе, чтеніе библіи ¹⁾. Въ шесть раздается по всему корпусу звонокъ и немедленно вслѣдъ

¹⁾ Я съ библіей (кроме евангелій) былъ плохо знакомъ и рѣшилъ прочитать ее всю во время заключенія.

звѣтъ начинается топотъ «парашечниковъ» и разливается то отвратительное зловоніе, о которомъ я упоминалъ. Процедура эта кончается около половины седьмого. Новый звонокъ. Довносятся протяжное пѣніе «Отче нашъ», «Вородаде дѣво», «Спаси, Господи, люди твоя». Затѣмъ минутъ пять или десять спустя начинается разноска кипятку. Маленькая дверца, продѣланная въ среднѣй двери, раскрывается, голосъ надзирателя говорить «кипятокъ», въ дверцу просовывается мѣдная шейка огромнаго чайника и льется кипятокъ во всѣ подставляемые сосуды. Я завариваю чай, кончаю одѣваться, прибираю келью, поднимаю койку, подметаю, отворяю окно. Ровно въ семь часовъ беру итальянскую грамматику, съ упражненіями и то прохаживаясь маленькими шагами по кельѣ, то стоя на мѣстѣ, начинаю «зубрить» спряженія, неправильные глаголы, мѣстоименія, слова, дѣлать переводы въ умѣ. Занятіе это продолжается до девяти часовъ, съ пяти минутнымъ перерывомъ. Въ девять часовъ второй перерывъ—десяти минутный, я пью молоко, ѣмъ хлѣбъ. Въ 9¹/₂ часовъ принимаюсь за чтеніе по уголовному праву, взявъ съ собою нѣсколько крупныхъ изслѣдованій, которые появились за послѣдніе два года и остались непрочитанными. Читая, дѣлаю замѣтки, мѣстами конспектирую. Въ промежутокъ времени отъ семи до десяти происходитъ прогулка, каждый день въ разный часъ, въ зависимости отъ сѣны, въ которую попадешь. Въ двѣнадцать часовъ прекращаю работу, убираю книги и тетради, накрываю столъ, жду обѣда.

Обѣдъ приносятъ между 12 и 12¹/₂. Я обѣдаю всегда съ отличнымъ аппетитомъ, затѣмъ пью чай, немного планирую. Въ 1¹/₂ сажусь писать и пишу, съ небольшими перерывами и однимъ въ двадцать минутъ (для второй прогулки)—до четырехъ. Въ четыре бросаю пи-

сать, и совершенно раздѣваюсь, продѣлываю восемнадцать мюллеровскихъ упражненій, съ обливаніемъ въ резиновой ванночкѣ и растираниемъ. Въ 4—принимаюсь за серьезное чтеніе—историческое или философское, до шести. Затѣмъ вторично накрываю столъ для ужина, который приносить около 6— часовъ. Съ 7 до 9 занимаюсь легкимъ чтеніемъ, преимущественно по итальянски. Въ 9 дѣлаю свою постель, прибираю комнату, отмѣчаю на стѣнѣ миновавшій день, перечеркивая карандашную полоску, и въ 9¹/₂—ложусь спать.

При такомъ распредѣленіи дня время идетъ очень скоро и не остается мѣста для скуки и тоски. Повторяю, здѣсь огромную роль играетъ размѣръ срока. При большомъ срокѣ возможно, что за всѣми этими мѣтрами тяжело и мрачныя опущенія останутся. Но и при большомъ срокѣ единственнымъ, незамѣнимымъ средствомъ останется—систематическая работа и «упраздненіе праздности».

* * *

Тѣ «уголовные»¹⁾ арестанты, съ которыми приходится ежедневно встрѣчаться, производятъ крайне тяжело впечатлѣніе. Прежде всего своею вѣжностью. Однажды вечеромъ я отправился въ церковь, для чего мнѣ, какъ политическому, потребовалось особое разрѣшеніе начальства²⁾. Былъ канунъ Вознесенія, и мимо меня продефилировало, прикладываясь къ образу, сотни двѣ арестантовъ. Въ огромномъ

¹⁾ Въ нашемъ словоупотребленіи, не только жителскою, но официальною, «уголовные» противопоставляются «политическимъ», независимо отъ тяжести преступленія.

²⁾ Разрѣшеніе это дается при условіи стоять вмѣстѣ съ другими арестантами (фактически—нѣсколько поодаль) и не выходить до конца службы. Естественно, что «политическіе» рѣдко обращаются съ этой просьбой.

большинствѣ—что за лица! Печать вырожденія съ невозможной ясностью видна въ каждой чертѣ ихъ облика. Въ особенности ужасны несовершеннѣйшіе, по большей части съ какими либо физическими дефектами и уродствами, малорослые рахитики. Но хуже всего—выраженія лицъ, либо мрачно озлобленныхъ, либо наглыхъ и грубыхъ. Чувствуется, что въ этихъ сердцахъ бьется одна лишь ненависть, что эти люди, за немногими и рѣдкими исключениями, навсегда сдѣлались врагами общества, что пребываніе ихъ здѣсь только этапъ въ ихъ дальнѣйшей карьерѣ.

И дѣйствительно: по условіямъ современнаго общества, человѣкъ, побывавшій въ тюрьмѣ за кражу и т. п., только при сочетаніи самыхъ счастливыхъ обстоятельствъ можетъ потомъ захватить честной жизнью. Общественныя учрежденія, несущія задачи патроната, только еще у насъ въ зародкѣхъ. А среди частныхъ лицъ много ли найдется такихъ, которые рѣшатся взять себя въ качествѣ прислуги, работника, мастерового — тюремнаго сидѣльца? Если онъ долженъ жить личнымъ трудомъ, условія, въ которыя онъ попадаетъ по выходѣ изъ тюрьмы, ужасны. И такъ какъ въ массѣ своей все это люди съ подорваннымъ организмомъ, съ слабой волей и отсутствіемъ нравственныхъ сдержекъ, то естественно, что сопротивляться влеченію они долго не могутъ. И вотъ—«привычный преступникъ», рецидивистъ готовъ.

Но—могутъ сказать—а «исправляющее значеніе» тюрьмы? Вѣдь недаромъ же потрачены колоссальныя деньги на устройство «образцовой» тюрьмы, съ сложнымъ механизмомъ, съ работами, наградами и наказаниями, съ разнообразіемъ арестантовъ, съ сносными и относительно—гуманными условіями существованія,—съ заботой объ арестованномъ. Неужели все это—напрасно, безцѣльно затраченныя средства и усилія?

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что современныя карательныя системы представляютъ огромный шагъ впередъ, по сравненію съ недалекииъ прошлымъ. Наказаніе стало гуманнѣе, стало мягче. Культурное челоѣчество уже не мирится съ намѣреннымъ мучительствомъ. Правда, въ цѣломъ рядѣ законодательствъ еще остался отвратительный, неправдоподобный пережитокъ варварскихъ временъ—смертная казнь, и хотя число этихъ законодательствъ сокращается, но все же еще не скоро, по видимому, наступитъ то время, когда хладнокровное, сознательное, по всемъ правиламъ искусства, совершенное умерщвленіе беззащитной жертвы, завѣдомо идущей подъ ножъ или въ петлю, перестанетъ казаться «отправленіемъ акта правосудія», а будетъ признано тѣмъ, что оно есть на самомъ дѣлѣ.

Но и тамъ, гдѣ она осталась, смертная казнь примѣняется въ исключительныхъ случаяхъ и стоитъ совершенно особнякомъ отъ прочихъ наказаній. Конечно, мы при этомъ имѣемъ въ виду смертную казнь, примѣняемую какъ общую мѣру наказанія, на основаніи нормально и правильно постановленныхъ приговоровъ.

Системы наказаній смягчились. Много осталось отталкивающей и ненужной жестокости, но варварское мучительство прежнихъ временъ исчезло. Какой нибудь тюремный сидѣлецъ начала и даже средины прошлаго вѣка не повѣрилъ бы глазамъ своимъ, если бы его помѣстия въ казнь «Крестовъ», съ паровымъ отопленіемъ и электрическимъ освѣщеніемъ, съ настоящей кроватью, со сноснымъ питаніемъ, безъ тѣсныхъ наказаній и прочихъ атрибутовъ старой тюрьмы. Нравы смягчились — и это отразилось на всемъ, но внутренняя сторона наказанія,—его цѣлесообразность—осталась все той же. И если теорія до сихъ поръ споритъ о томъ, налагается

ли наказание «quia peccatum est» или «ne peccetur», то на дѣлѣ оказывается практически существеннымъ только первое. Еслибы ставилось задачей второе, то наказание сѣдвало бы немедленно упразднить, ибо фактически оно достигаетъ цѣлей совершенно противоположныхъ тѣмъ, къ которымъ оно стремится.

Въ теоріи легко и удобно говорить объ «исправляющемъ» значеніи наказанія лишеніемъ свободы. На практикѣ такіе случаи насчитываются единицами, да и то сомнительно, играетъ ли въ этихъ немногихъ случаяхъ роль тюрьма съ ея режимомъ, или же психическія переживания преступника обуславливаются другими, болѣе глубокими, внутри ея лежащими причинами. Нормально тюрьма не можетъ «исправить» и благоразумно не пытается это сдѣлать. Слишкомъ очевидно была бы тщета этихъ усилий.

Въ сущности говоря, съ идеей объ исправительныхъ задачахъ тюрьмы носилась въ ту эпоху, когда на преступленіе и на преступника смотрѣли съ старинной, «классической» точки зрѣнія, видя въ преступленіи продуктъ «злой воли», понимаемой совершенно абстрактно. Вотъ эту-то «злую волю» надо было побороть и возрости на ея мѣстѣ «добрую волю». Трудъ, физическій и умственный, строгая дисциплина, сложныя и разнообразныя системы наградъ и наказаній, умственное и нравственное просвѣщеніе: — вотъ тѣ силы, которыя призывались къ этой задачѣ. Здѣсь было много потрачено добросовѣстныхъ усилий, было много возвышеннаго и благороднаго идеализма, — но результаты совершенно ничтожны. И это вполне понятно, если только признать, что отправная точка — невѣрна.

Въ настоящее время никто уже не можетъ смотрѣть на преступленіе исключительно, какъ на продуктъ «злой воли». Нельзя, конечно,

совершенно вычеркнуть роль индивидуальной психики, нельзя видѣть въ дѣйствіяхъ людей вообще и въ преступныхъ дѣйствіяхъ въ частности какой-то неизбѣжный продуктъ внѣшнихъ силъ и условій. Но огромное значеніе этихъ силъ и условій, ихъ вліяніе на образованіе того или другого характера — бесспорно. Біологическіе и социальныя «факторы преступности» — это, быть можетъ, неточное и неправильное наименованіе. Но огромное вліяніе условій этого рода, противъ дѣйствія которыхъ отдѣльный индивидуумъ безсиленъ, — это фактъ уже не подлежащій оспариванію. «Uomo delinquente» Ломброзо — фантастическая величина; но психофизическая дефектность, въ особенности какъ продуктъ вырожденія, — несомнѣнно предрасполагаетъ къ преступленію, ослабляя способность сопротивленія, притупляя силу нравственнаго сознанія. Если къ этому прибавляются неблагоприятныя социальныя условія: бѣдность, отсутствіе нравственнаго воспитанія, плохая общественная среда, плохіе примѣры передъ глазами, раннее половое общеніе, алкоголизмъ и проч., то съмя попало на удобную почву. И тогда часто достаточно совершенно ничтожнаго импульса какого нибудь случайнаго повода для того, чтобы преступленіе было совершено¹⁾.

И вотъ этотъ импульсъ получаютъ: кража, ограбленіе, нападеніе и т. п. совершены. Наступаетъ судъ и возмездіе. Что же дальше? Измѣ-

¹⁾ Само собою разумѣется, что во всѣхъ этихъ соображеніяхъ я имѣю въ виду только тѣхъ преступниковъ, которые, главнымъ образомъ, и наполняютъ тюрьмы, и могутъ быть названы «анти-социальными»: — преступники противъ собственности (гл. обр. воры) и значительная часть преступниковъ противъ личности. Что уголовные кодексы знаютъ много чисто формальныхъ преступленій; что въ частности всѣ виды идейныхъ преступленій должны быть исключены изъ нашего поля зрѣнія — это совершенно ясно.

вить ли тюрьма психофизическую организацию заключенного? Улучшатся ли тѣ общественныя условия, въ которыя онъ попадаетъ послѣ отбытія наказанія? Едва ли кто усомнится въ отрицательномъ отвѣтѣ.

Мало того: можно даже сказать, что самая усовершенствованная, самая благопрістойная тюрьма въ огромной массѣ случаевъ самымъ пагубнымъ образомъ влияетъ на психику заключеннаго и не только не укрѣпляетъ его силы для возможной жизненной борьбы, но подрываетъ и притупляетъ ихъ.

Въ самомъ дѣлѣ: стоитъ только вдуматься въ исторію наказанія лишеніемъ свободы для того, чтобы понять, до какой степени искусственны привитыя ему въ настоящее время цѣли, органически ему чуждыя; для того, чтобы увидѣть здѣсь роковое колоссальное недоразумѣніе, выходящее изъ котораго еще не найдены.

Что такое были тюрьмы въ старину—и притомъ не столь отдаленную—это хорошо извѣстно. Сохранились образцы. Тюрьма была «темницей», мѣстомъ мученій и ужаса. Въ жестокихъ карательныхъ системахъ старины и въ особенности у насъ, въ Россіи, тюрьма играла второстепенную, незначительную роль. Достаточно великъ и разнообразенъ былъ аппаратъ прочихъ мѣръ—начиная отъ смертной казни и включая тѣлесныя наказанія всевозможныхъ видовъ и степеней. Къ чему было держать преступниковъ въ темницахъ и кормить ихъ на государственный счетъ, когда была такая масса удобныхъ, простыхъ и дешевыхъ средствъ сдѣлать такъ, чтобы ему было неопасно. Въ тѣхъ же сравнительно малочисленныхъ случаяхъ, когда примѣнялась тюрьма, она и носила соответствующій характеръ. Въ мрачныхъ и сырыхъ подземельяхъ, лежа на гнилой соломѣ, часто прикованные цѣпью къ кольцу въ стѣнѣ, лишенные свѣта и воздуха, питаясь хлѣ-

бомъ и водою, заключенные переживали вилочную физическую пытку, худшую, чѣмъ казнь. Ввергая въ тюрьму, государственная власть не думала, конечно, ни минуты объ «исправленіи» преступника: какое ей до этого было дѣло? Она либо руководилась соображеніями безопасности, либо приберегала будущую жертву плахи изъ соображеній удобства. При этомъ, по отношенію къ самому заключенному у нея были только двѣ заботы: чтобы ему какъ можно хуже жилось во-первыхъ, чтобы онъ не убѣжалъ во-вторыхъ.

«Пенитенціарная» идея, какъ извѣстно, впервые зародилась въ Америкѣ, на почвѣ религіознаго мистицизма, и получила сразу то ужасное и уродливое выраженіе, которое носитъ званіе келейной системы. Здѣсь впервые попытались утилизировать лишеніе свободы въ цѣляхъ исправленія, понимаемаго, притомъ, въ самомъ строгомъ смыслѣ внутренняго, духовнаго перерожденія. Оно должно было быть достигнуто самоуглубленіемъ, размышленіями, работой надъ самимъ собою, при полномъ отчужденіи отъ всего міра. Это совершенно своеобразное, узкое пѣтистское воззрѣніе на задачи тюрьмы, соединенное съ колоссальнымъ по своему невѣжеству игнорированіемъ основныхъ потребностей человѣческаго духа, дало чудовищные плоды! Первая тюрьма, построенная и содержимая по этой системѣ, оказалась мѣстами такихъ изощренныхъ душевныхъ мукъ, передъ которыми блѣднѣютъ жестокости стараго времени. Чарльзъ Диккенсъ, въ свою американскую поѣздку, въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, видѣлъ эти тюрьмы. Глубокій сердцецвѣдъ и истинно-гуманный мыслитель, онъ пришелъ отъ нихъ въ ужасъ и описалъ ихъ въ яркихъ и сильныхъ краскахъ въ своихъ американскихъ очеркахъ.

И вотъ эта-то противуестественная идея про-

никла въ Европу, и съ разными видоизмѣненіями оказалась положенной въ основу всей пенитенціарной системы. «Одиночное заключеніе» было сочтено мѣрою необыкновенно цѣлесообразной и вызвало большое увлеченіе и на практикѣ, и въ наукѣ. Казалось, что оно даетъ желанную возможность нравственно воспитать преступника отъ зла къ добру. При этомъ, Европа восприняла американскую идею съ нѣкоторыми смягченіями и оговорками, имѣвшими цѣлью избѣгнуть тѣхъ жестокихъ послѣдствій, къ которымъ приводило осуществленіе до конца пѣнитистской идеи. Вскорѣ появилась мысль о комбинаціи общаго заключенія съ одиночнымъ, о смягченіи самого одиночнаго заключенія. Постепенно выработался современный типъ тюрьмы, съ сравнительно короткими сроками, съ обязательнымъ ночнымъ разъединеніемъ въ одиночныхъ кельяхъ, работами, казарменнымъ режимомъ, системой наградъ и наказаній. И въ основѣ остается все та же мысль, появившаяся, какъ мы видѣли, совершенно спорадически и случайно, на мистически-религіозной почвѣ пѣнитистскаго міровоззрѣнія.

А между тѣмъ мысль эта—очевидная и несомнѣнная ложь. Если отбросить навыки традиціоннаго мышленія и прямо подойти лицомъ къ лицу къ фактамъ, то нельзя отблаться отъ недоумѣвающего вопроса: какъ возможно, чтобы на тюрьму возлагали тѣ широкія ожиданія—исправленія, возвращенія обществу пригоднаго члена, когда тюрьма сама по себѣ, неизбежно и фатально должна имѣть только пагубное значеніе и подавляющее вліяніе на человѣческую психику?

Преступленіе, говорятъ, является результатомъ взаимодѣйствія двухъ факторовъ, или лучше сказать, условій двухъ категорій: индивидуальныхъ и социальныхъ,—и борьба должна вестись противъ той и противъ другой. Другими

словами: отбывавшій наказаніе долженъ и индивидуально и социальнo оказаться въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ для борьбы съ влеченіемъ къ преступленію, онъ долженъ превратиться въ болѣе надежнаго члена общества. Такова теорія, таковы ожиданія. Фактически, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, отбывшій наказаніе лишеніемъ свободы оказывается на волѣ въ худшихъ, несравненно худшихъ условіяхъ, индивидуальныхъ и социальныхъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ онъ прежде находился.

Нечего и говорить, конечно, что старая теорія «внутренняго перерожденія» преступника, находящагося въ заключеніи,—теорія представляющая себѣ грѣшника, предающагося въ одиночествѣ скорбнымъ размышленіямъ, зміряющимъ умственнымъ взоромъ всю глубину своего паденія, призывающаго молитвенно помощь Божію и достигающаго духовнаго просвѣтленія, эта слащаво-фальшивая теорія окончательно отжила свой вѣкъ. Ее замѣнили болѣе практическіе утилитарные взгляды. Если масса преступленій,—въ особенности имущественныхъ,—является результатомъ отвращенія къ честному труду, привычной праздности—тюрьма своимъ суровымъ режимомъ должна приучить къ такому труду. Тюрьма должна приучить недисциплинированныхъ къ дисциплинѣ, къ порядку, къ строгому и точному исполненію своихъ обязанностей; она должна воспитать и укрѣпить волю. Она должна дать новый запасъ силъ для жизненной борьбы. Наконецъ, своими тяжелыми и неприятыми условіями она должна, такъ сказать, конкретизировать неопредѣленное представленіе о наказаніи, слѣдующемъ за преступленіемъ; нужно чтобы, выйдя изъ тюрьмы, преступникъ больше бы боялся вновь въ нее попасть, чѣмъ тогда, когда она для него была величійной неизвѣстной.

Достигаются ли все эти цѣли, или хотя бы

и некоторые из них? Не будет преувеличением сказать, что поставить этот вопрос — значит ответить на него. Все то, к чему тюрьма стремится, в огромной массе случаев обречено остаться неуспешным, именно потому, что тюрьма — тюрьма... И если начать с того, что поставить человека в совершенно противостественные условия, не имущие ничего общего с теми, в которых он был раньше и окажется впоследствии, то всё *experiments in anima vili*, вадъ нимъ продбавняа, окажутся напрасной тратой усилий.

Прежде всего, — и очевидно всего, — тюрьма не в состоянии укрѣпить и закалить волю, приучить человека сопротивляться соблазнамъ, разбираться въ побужденіяхъ и оценивать ихъ. Причина понятна. Развитие и укрѣпленіе воли возможно только въ живомъ и непрерывномъ общеніи свободной жизни, въ борьбѣ сталкивающихся интересовъ. Тюремный режимъ, нивелирующий всё отдѣльными индивидуальности, требующій прежде всего строгого повиновенія, обезличивающій заключеннаго, держать его, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ такихъ условіяхъ, въ которыхъ «упражнять свою волю» ему совершенно не приходится. Борьбы мотивовъ вѣтъ, голосу соблазна раздаваться неоткуда. Вся тюремная жизнь отдѣлена плотной стѣной отъ жизни дѣйствительной, съ ея горемъ и радостью, съ ея увлеченіями и страстями, побѣдами и паденіями. Трудъ — да, это великій спаситель, но только не принужденный трудъ взъ подъ палки, тягостный и ненавистный. Такой трудъ приохотить не можетъ.

Но мало того, что эти условія не могутъ дать положительныхъ результатовъ: — скорѣе всего они дадутъ — должны давать — результатъ прямо отрицательный. Они приучаютъ къ механическому исполненію чужихъ распоряженій, — къ слѣпому и перазуждающему повиновенію

чужой волѣ. Она атрофируетъ самостоятельность. И если съ психологической точки зрѣнія преступленія имѣютъ своими источниками либо слабую, либо порочную волю, то первый изъ нихъ останется въ полной силѣ и послѣ отбытія тюремнаго срока. Даже болѣе того: человеку слабовольному, не умѣющему противустать соблазну, поддающемуся искушенію, — этотъ стажъ принесетъ вредъ. Онъ приучитъ его быть орудіемъ въ чужихъ рукахъ, онъ воспитаетъ и разовьетъ въ немъ пассивную апатичность. Его воля окажется не укрѣпленной, а еще болѣе подорванной.

Что же касается нравственнаго воспитанія порочной воли — *visum tenentis, amici!* Насколько известно, тюрьма и не задается такой задачей, для которой у нея вѣтъ ни средствъ, ни людей. Какой нуженъ срокъ времени, какое знаніе человеческой души, какое умѣніе съ нею обращаться, какая любовь для того, чтобы успешно брать на себя педагогическую роль въ такихъ условіяхъ и съ такимъ матеріаломъ! Зная, какъ выбирается личный персоналъ тюремной администраціи и изъ кого онъ состоитъ даже въ образцовыхъ тюрьмахъ, приходится признаться совершенно безнадежной фантазіей мысль о томъ, чтобы персоналъ этотъ оказывалъ нравственно-воспитательное влияние на заключенныхъ.

Но если тюрьма не можетъ «исправить», то всякая тюрьма, по любой системѣ угрошенная, легко можетъ испортить и развратить. Распространяться на этотъ счетъ нечего. Ясное дѣло, что всякія формы общенія между новичками преступности, случайно, быть можетъ, подавляющимися случайному соблазну, и опытными, вполнѣ сознательными вогодяими — не къ пользѣ вторыхъ, а ко вреду первыхъ. Въ каждой тюрьмѣ въ сильнѣйшей степени развиты всякаго рода обманъ и надругательство, развито своеобразная данкастерская система взаимнаго обу-

ченія. Нѣсколько мѣсяцевъ тюремной жизни изъ неопытнаго, наивнаго юнца сдѣлають вполне обстрѣленную птицу.

Есть еще одна сторона тюремной жизни, которую обыкновенно упускають изъ виду, хотя растлѣвающее ея значеніе совершенно несомнѣнно.

Нивелируя всѣхъ арестантовъ, тюрьма, всѣмъ своимъ обиходомъ, всѣми формами своимъ, сознательно или нѣтъ, но представляется ареной постоянного поправія человѣческаго достоинства.

Въ тюрьму, вѣдь, попадаютъ не одни только мааурика, съ прожженной и атрофированной совѣстью. «Впасть въ преступленіе» можетъ человѣкъ, совершенно не предрасположенный къ нему. Наше право не знаетъ еще условнаго осужденія: и случайный, и закаленный преступникъ попадаютъ въ ту же тюрьму, подъ тотъ же режимъ. Но для второго — хоть трава не рости. Для первого же здѣсь источникъ постоянныхъ нравственныхъ страданій. Грубое и пренебрежительное обращеніе, особая арестантская одежда, необходимость исполнять безпрекословно грязныя и отвратительныя обязанности (напр. «парашечниковъ»), сознаніе, что ты временно сталъ человѣкомъ какой-то особенной, низменной и позорной категоріи, — арестантомъ, — постоянное напоминаніе объ этомъ: — все это вмѣстѣ взятое должно на первыхъ порахъ самымъ болѣзненнымъ, самымъ угнетающимъ образомъ дѣйствовать на психику. А потомъ — потому человѣкъ самъ привыкаетъ къ своему новому положенію и начинаетъ самъ смотрѣть на себя, какъ на отпѣтаго. Поправленіемъ нельзя поднять человѣческую личность.

Поскольку мы говоримъ объ индивидуальныхъ условіяхъ, нельзя также забывать, что въ чисто-физическомъ отношеніи тюремное заключеніе, сколько нибудь продолжительное, почти неиз-

бжно имѣть неблагоприятное значеніе для организма. Это вполне понятно. Ненормальная, неестественная условія жизни, — въ особенности при одиночномъ заключеніи, — плохое питаніе, усиленная работа, тайные пороки, свѣрѣствующіе въ тюрьмѣ, — все это расшатываетъ и ослабляетъ и безъ того, часто, подорванный организмъ.

И вотъ, отсидѣвъ положенный срокъ, арестантъ выходитъ на волю. Что приобретаетъ въ немъ общество — спрашивать нечего. Тюрьма взростна и возлелѣла будущаго своего гостя.

Ну, а другія — социальныя условія, — какъ съ ними обстоитъ?

Увы! Мы уже коснулись выше этой стороны дѣла. Если въ современномъ общественномъ укладѣ плохо и трудно приходится слабымъ и обездоленнымъ; если условія этого уклада часто создаютъ богатую и благоприятную почву, въ которой сѣмена преступности пускають ростки и распускаются въ пышныя растенія, — то что сказать о положеніи, въ которое попадаютъ люди запятанные, съ «тюремнымъ» прошлымъ? Ясно, что для нихъ жизненная борьба становится во сто разъ тяжелѣе. И если бы они сами захотѣли отдѣлаться отъ этого прошлаго, забыть его — имъ это не удастся.

Слѣдуетъ, при этомъ, отмѣтить вотъ какой характерный фактъ. Вопреки извѣстнаго афоризма: *le crime fait la honte et non pas l'échafaud*, — общество совершенно иначе относится къ виновнику преступленія, отсидѣвшему въ тюрьмѣ, чѣмъ къ такому, который благодаря тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ избѣгъ ея, хотя и совершилъ точно такую же кражу, мошенничество. Тюремный сдѣлаецъ, въ представленіи общества, человѣкъ, если не отпѣтый, то во всякомъ случаѣ представляющій постоянную угрозу. Отъ него открепиваются и отмахиваются. И тѣ условія социальнаго строя,

которые уже способствовали вступлению бывшего преступника на путь зла, теперь для него несравненно ухудшились. Чего же можно от него ожидать? Куда ему спастись от того неминуемого рока, который стережет его с первого дня его выхода из тюрьмы?

И вот, мы приходимъ къ заключенію: та организація тюрьмы, которую мы наблюдаемъ повсемѣстно въ современныхъ культурныхъ странахъ, не только не служитъ дѣлу борьбы съ преступностью, а, напротивъ того, усиливаетъ и обостряетъ тѣ условія личнаго и социального существованія, которыя вліяютъ на развитіе преступности положительнымъ образомъ.

Если мы теперь подойдемъ къ лишенію свободы съ другой стороны и применимъ къ нему тѣ критеріи, которые выработаны теоріей; если мы спросимъ, въ какой мѣрѣ это наказаніе равномерно, дѣлано, индивидуально в т. л., то и здѣсь, почти сплошь, отвѣтъ будетъ самый неблагоприятный.

Одной изъ отличительныхъ особенностей наказанія лишеніемъ свободы является то обстоятельство, что въ немъ приходится различать два элемента: основной и побочный. Къ первому относится именно само ограниченіе свободы, принудительная иммобилизація человека, заключеніе его. Къ другому относятся все тѣ дополнительные разнообразныя ограниченія и тягости, которымъ сопровождается лишеніе свободы. И вотъ, прежде всего, приходится указать на крайнюю неравномѣрность того и другого.

Конечно, въ извѣстномъ смыслѣ всякое наказаніе неравномѣрно, ибо на него реагируютъ разные люди. Нельзя себѣ представить такой мѣры, которая вызвала бы у всѣхъ одну и ту же реакцію. Даже смертная казнь, эта уравнительная кара *par excellence*, вызываетъ, въ предварительномъ психическомъ переживаніи, разнообразныя эмоціи у разныхъ людей. Что

касается лишенія свободы, то едва ли можно найти двухъ людей, которые одинаково бы реагировали на одну и ту же форму лишенія свободы, съ одинаковымъ срокомъ и въ одинаковыхъ условіяхъ. Для одного она можетъ быть чѣмъ то совершенно пустячнымъ, вполне легко переносимымъ. — въ худшемъ случаѣ боже или менѣе серьезной неприятыю. Другого она можетъ заставить пережить мучительнѣйшія, безконечно тягостныя ощущенія.

Риспительную роль играетъ здѣсь нервная система и весь психическій складъ человека. Тотъ, у кого нервы въ порядкѣ, здоровая и уравновѣшенная психика, привычка къ самообладанію и умѣніе брать вещи съ ихъ положительной стороны, по остроумному совѣту Теккереля ¹⁾, — тотъ сумеетъ приспособиться къ новой, непривычной и неестественной обстановкѣ, наполнять время работой, утилизировать каждый часъ и каждую минуту.

Но горе тѣмъ, у кого дефектная организація нервной системы, горе истерикамъ, неуравновѣженнымъ, одержимымъ разными «фобіями». Для нихъ и сравнительно незначительное (по сроку) лишеніе свободы можетъ представлять непрерывную пытку, грозную опасностью. И, конечно, прежде всего и боже всего, это относится, къ такъ называемому, одиночному заключенію. Отсутствие возможности общенія, общенія мыслями для многихъ является чѣмъ то равносильнымъ тяжкому страданію. Другие съ нимъ мирятся вполне легко. И замѣтите: тутъ разница не въ отнѣнкахъ ощущеній, а въ самой ихъ сути. Для людей, занятыхъ обычно разнообразной утомительной дѣятельностью, вѣчно тревожащихся докучливыми посѣтителями, имѣющихъ

1) Въ „Vanity Fair“: „жизнь похожа на зеркало; смотри въ него съ гримасой, и оно вернетъ тебѣ гримасу; улыбайся ему, и оно будетъ привѣтливымъ“ (точного текста у меня нѣтъ подъ рукой).

рѣдко возможность отдаться своимъ собственнымъ мыслямъ, самимъ себѣ—тюремное заключеніе, съ его тишиной и уединеніемъ, такъ способствующимъ сосредоточенію, съ его отсутствіемъ постороннихъ помѣхъ (что значить, напр., одно отсутствіе телефона), съ возможностью распредѣлить по-своему и по-своему распорядиться своимъ временемъ, выполнить разныя задачи, для которыхъ въ обычномъ ходѣ жизни рѣшительно нѣтъ досуга:—для такихъ людей тюремное заключеніе очень скоро перестаетъ ощущаться какъ что-то вынужденностное. Вѣдь извѣстенъ случай, когда заключенный, отбывшій свой срокъ, не хотѣлъ выходить изъ тюрьмы, гдѣ ему необыкновенно спокойно, легко и удобно работалось.

Нечего и указывать, да и въ значеніе той семейной, домашней обстановки, съ которой разстается заключенный. Поскольку она была для него источникомъ радости или страданій, постольку ему будетъ тягостной или пріятной вынужденная разлука.

Но оставимъ психическія переживанія. Не очевидно ли, что просто въ матеріальномъ смыслѣ лишеніе свободы для одного можетъ быть болѣе или менѣе безразличнымъ, для другого—непріятнымъ, но переносимымъ, а третьяго можетъ сильно и неоправданно подорвать. Неужели все равно, посадить ли въ тюрьму того, кто своимъ личнымъ трудомъ прокармливаетъ свою семью, или обезпеченнаго человѣка, или, наконецъ, совершенно немущаго? Неужели можно сказать, что всѣ трое одинаково наказаны назначеніемъ имъ шестимѣсячнаго или годового срока тюремнаго заключенія?

Словомъ сказать: лишеніе свободы такъ же различно и своеобразно ощущается, какъ различно и своеобразно содержаніе, которымъ наполнена индивидуальная свобода каждаго. И потому о равномерности наказанія, въ

его главномъ, коренномъ элементѣ, говорить не приходится.

Но могутъ возразить, что это разнообразіе, вообще, неизбежно и присуще всякому наказанію. Наказаніе поражаетъ личныя и имущественныя блага, которыя всякій цѣнитъ по-своему, и—какъ только что указано—даже смертная казнь, съ этой точки зрѣнія, неравноѣрна.

Совершенно вѣрно. Вполнѣ равноѣрное наказаніе несомнѣнно остается навсегда недостижимымъ идеаломъ. Но лишеніе свободы и здѣсь занимаетъ особое мѣсто, во-первыхъ, потому, что оно направлено на извѣстныя психическія переживанія (т. е. на наиболѣе разнообразныя и разноцѣнныя), а, во-вторыхъ, потому, что оно видоизмѣняетъ временно весь жизненный строй даннаго лица, временно изымаетъ его изъ нормальной, свойственной ему, житейской обстановки. Оттого среди всѣхъ неравноѣрныхъ наказаній оно является едва ли не самымъ неравноѣрнымъ.

До сихъ поръ я говорилъ о главномъ элементѣ лишенія свободы.

Но что остается сказать въ этомъ отношеніи объ элементахъ дополнительныхъ?

Однимъ изъ такихъ элементовъ—конечно, существенѣйшимъ,—является элементъ безчестія. Онъ—атрибутъ всякаго тюремнаго заключенія, независимо отъ того, соединено ли оно съ лишеніемъ правъ или нѣтъ. Особо стоитъ, такъ называемая, custodia honesta, получившая у насъ довольно уродливую и недѣльную форму. Остальныя категорія, правда, во многомъ различествуютъ между собою. Очень глубоко различіе между «политическими» и «уголовными», между лишенными и нелишенными правъ. Но все же и тѣ, и другіе—«арестанты», т. е. особая категорія людей, временныя парія, и въ то же время такіе, отъ которыхъ остальной міръ огражденъ особыми способами.

Конечно, у нас, въ Россіи, гдѣ за послѣдніе годы тюремный цѣвзь—по нѣкоторымъ категоріямъ дѣль—оказался чуть ли не почетнымъ отличіемъ, эта унижительная сторона наказанія отстугаетъ нѣсколько на задній планъ. Все же о ней не приходится забывать. Тѣмъ болѣе, что о ней напоминаютъ тысячи подробностей тюремнаго обихода.

Возьмемъ организацію свиданій.

Можно ли себѣ представить что либо унижительное и невыносимое для человѣческаго достоинства!

Съ внѣшней стороны она представляетъ прогрессъ по сравненію съ картиной, описанной у Толстого въ «Воскресеніи». Она носитъ все черты той особой жестокой изобрѣтательности, которой такъ отличается все «тюрьмовѣдѣніе». Можно сказать: обо всемъ подумали, не забыли и о сердечныхъ радостяхъ заключеннаго, о его сердечныхъ потребностяхъ. Но удовлетвореніе ихъ оставили такъ, что «свиданія» эти очень легко могутъ обратиться въ нравственную пытку.

Устройство мѣста для свиданія заимствовано отъ «лучшихъ зап.-европейскихъ образцовъ». Въ большой комнатѣ тянется вдоль всѣхъ четырехъ стѣнъ сплошной рядъ деревянныхъ будокъ, двери которыхъ открываются къ стѣнѣ. Каждая будка подъ номеромъ. Войдя въ нее, вы видите частую проволочную сѣтку. За этой сѣткой пустое пространство, нѣсколько шире полтаршина, и даже—вторая такая же сѣтка, идущая по одному ряду, кругомъ. За этой сѣткой собираются родственники. Каждый получаетъ номерокъ съ обозначеніемъ будки, такой же номерокъ получаетъ арестантъ. Такимъ образомъ, они быстро другъ друга отыскиваютъ. Какъ только арестантъ войдетъ въ тѣсную и темную будку, дверь за нимъ захлопывается и остается закрытой до конца свиданія—около

получаса. Само собою разумѣется, что среди родственниковъ прохаживаются все время надзиратели. Первое свиданіе дается не ранѣе, какъ черезъ двѣ недѣли послѣ поступленія въ тюрьму, второе—три недѣли спустя послѣ перваго, третье—три недѣли спустя послѣ втораго. Послѣ истеченія втораго мѣсяца—свиданія даются ежедневльно. Лучшее свиданіе является одною изъ дисциплинарныхъ каръ.

Говорятъ, что такая «организація» свиданій—наиболѣе цѣлесообразна въ томъ отношеніи, что она совершенно устраняетъ возможность преступныхъ сношеній, передачи записокъ, какихъ бы то ни было предметовъ. Это, конечно, безспорно. Для того, чтобы при такихъ условіяхъ что либо передать, нужно нечеловѣческое искусство. Но здѣсь опять и опять мы имѣемъ примѣръ тѣхъ безобразныхъ послѣдствій, къ которымъ приводитъ казарменно-явекларующій режимъ тюрьмы, громадная скудность, невозможность какой бы то ни было индивидуализаціи. Приходится всѣхъ безразлично ставить въ тѣ условія, которыя нужны только для одной весьма небольшой части... Очевидно, при такихъ условіяхъ нѣтъ возможности дѣлать для кого бы то ни было исключеніе, да и врядъ ли кто согласился бы воспользоваться завѣдомо привилегіей, которая не предоставлена другимъ.

И въ результатѣ получается ощущеніе издѣвательства надъ самыми дорогими и интимными чувствами. Видѣть въ разстояніи одного шага лица близкихъ, слышать ихъ голосъ—и не быть въ состояніи пожать другъ другу руку. Чувствовать себя на полчаса какимъ то опаснымъ звѣремъ, противъ котораго нужны особыя мѣры предосторожности. Видѣть страданіе, написанное на лицѣ близкаго, отъ такой противостественной обстановки. Все это, конечно, достаточно, чтобы въ полной мѣрѣ напоить отравой радость встрѣчи. Это есть, несомнѣнно, при-

да токъ къ наказанію лишеніемъ свободы. И я, право, не знаю, что гуманнѣе: такое устройство свиданій или полное ихъ утравленіе. И пусть не возражаютъ, что всякій воленъ отказаться отъ свиданія при такихъ условіяхъ. Это возраженіе слишкомъ формальное; сколько-нибудь знающій человѣческое сердце его не сдѣлаетъ...

Другой, также унижительной, добавкой является просмотръ корреспонденціи, получаемой заключенными. Всѣ закрытыя письма распечатываются, на каждомъ письмѣ, ранѣе врученія его арестанту, ставится клеймо о просмотрѣ. Фактически, конечно, едва ли возможно бы было хотя бы тройному противъ нынѣшняго комплекта администраціи ознакомиться съ содержаніемъ всѣхъ писемъ. Какъ говорили мыѣ, приходится иной разъ просмотрѣть до 700 писемъ въ одинъ приемъ. Выполнить это какъ слѣдуетъ никому, конечно, не подъ силу, и я совершенно убѣжденъ, что весьма многіе изъ заключенныхъ получаютъ корреспонденцію, фактически не просмотрѣнную. Но дѣло въ томъ, что самое это правило о просмотрѣ совершенно формальное. Нигдѣ, сколько мыѣ извѣстно, нѣтъ никакихъ указаній насчетъ того, о чемъ можно и чего нельзя писать: по крайней мѣрѣ, заключенные не получаютъ такихъ указаній. Здѣсь, понятно, преслѣдуются главнымъ образомъ полицейскія задачи.

Долженъ кстати сказать, что несмотря на противное тюремное клеймо, каждый разъ производящее впечатлѣніе грубаго прикосновенія къ вашей духовной личности, полученіе въ тюрьмѣ извѣстій изъ внѣшняго міра—одна изъ отраднѣйшихъ и съ наибольшимъ нетерпѣніемъ ожидаемыхъ минутъ тюремнаго дня. Къ сожалѣнію, даже ежедневное отправленіе писемъ вовсе не влечетъ за собою ежедневное ихъ полученіе, по указанной уже причинѣ. Администрація не

въ силахъ справиться съ грудой ежедневно получаемыхъ писемъ. Поэтому письма приходятъ въ довольно разнообразныя сроки, по нѣсколькѣ заразъ. Мыѣ случалось получать штукъ пятнадцать одновременно. Съ какими наслажденіемъ приступаешь къ чтенію каждого изъ нихъ, какъ смакуешь каждую строчку, каждое слово!

Печальной стороной дѣла является невозможность отвѣтныхъ писемъ. Въ этомъ отношеніи правила необыкновенно строги.

Возвращаясь къ этимъ «добавочнымъ элементамъ», приходится отмѣтить, что и они весьма различно воспринимаются, въ зависимости отъ всей психики заключеннаго. «Унижительная» сторона въ этомъ отношеніи вызываетъ весьма различную по степени и по свойствамъ реакцію. Нечего и говорить, что огромное большинство «политическихъ» относится къ ней, такъ сказать, принципиально равнодушно. Говоря о субъективныхъ ощущеніяхъ, я лично, напримѣръ, совершенно не замѣчалъ этой стороны. Мыѣ было абсолютно безразлично гулять въ ряду ворюшекъ и всякихъ мошенниковъ, подчиняясь одной и той же дисциплинѣ, однимъ и тѣмъ же правиламъ. Быть можетъ, здѣсь примѣшивалось «профессиональное» чувство криминалиста, въ которомъ преступникъ возбуждаетъ, прежде всего и болѣе всего, чувство сожалѣнія и интереса. Быть можетъ, у меня, вообще, нервная система не изъ особенно чувствительныхъ, — не знаю. Но сколько мыѣ извѣстно, мои товарищи испытывали точно то же и нисколько не тяготились вынужденнымъ общеніемъ. Вообще говоря такое отношеніе именно и объясняется особымъ положеніемъ политическихъ, которые все время и на каждомъ шагѣ чувствуютъ эту «особенность». Но, вѣдь, и среди «уголовныхъ» сколько можетъ быть индивидуальныхъ различій! И несомнѣнно, что для весьма многихъ эта нивелировка, игнорирующая всякую индиви-

дуализацию, представлять странно тяжелую сторону наказания; другие к ней индифферентны и чувствуют себя прекрасно.

То же самое приходится сказать и о всей внешней обстановке тюремного заключения. И в целом и в подробностях она раз но воспринимается. Для одного — келья в «Крестах» наиболее благоустроенное помещение из всех, в которых ему приходилось обитать, для него это — переход к лучшей и всегда обеспеченной пище, к теплой квартире, с кроватью и кое-какими незатейливыми удобствами, без наскоковых¹⁾. Для другого — это приблизительно та же обстановка, которая его окружает на воле. Наконец, для третьего — это более или менее резкий переход к довольно тесным и неприятным условиям. Разумеется, и здесь может быть весьма различное реагирование.

Для людей престарелых или больных этот режим должен быть вдвойне тягостен. Например, существующее правило о том, что койка должна быть поднята с 6-ти часов утра до 8-ми часов вечера, для многих — физически мучительно, они ощущают в течение дня непреодолимую потребность отдыха, лежания. Надо, впрочем, прибавить, что от этого правила допускаются частые отступления, обуславливаемые свидетельством доктора, которое, повидному, дается без особых затруднений.

Подведем итоги этих кратких замечаний. Они стремятся показать, что нет наказания более неравномерного, чем лишение свободы в форме тюремного заключения. Неравномерность эта вытекает из того, что лишение свободы на-

¹⁾ Они в «Крестах» совершенно отсутствуют. Это один из предметов гордости администрации. В своей камере я увидал только один раз очевидно заблудившегося и явно растерянного таракана.

правлено на психическую сторону, стремится вызвать душевные переживания, каковы у различных людей до- нельзя разнообразны. И та же неравномерность проявляется как относительно существенных, коренных элементов лишения свободы, так и относительно побочных, дополнительных. Едва ли можно найти двух людей, для которых один и тот же срок одного и того же рода лишения свободы оказался бы одним и тем же.

Любить указывать на одно положительное свойство лишения свободы — положительное, с точки зрения общепринятых критериев. Говорят о длительности, о дробности его. Безспорно: простирается во времени, лишение свободы так же дробно, как и само время, но эта математическая дробимость вовсе неравнозначна с длительностью по существу. Может показаться парадоксом, но тем не менее совершенно несомненно, что месячный срок сиденья не может считаться в четыре раза тяжелее недельного, здесь разница далеко не так велика. И, напротив, год тюрьмы превышает полгода гораздо более, чем вдвое, суммой переживаемых тягостей.

Нельзя, наконец, забывать и того, что сколько нибудь рациональная организация тюремного дела страшно дорога, требует все растущих расходов. Она требует и людей. Нет другого наказания, которое бы ставило такие строгие требования исполнителям, которое бы до такой степени зависело в своей организации и в своих результатах — от качества исполнителей. Имются ли у нас, в России, условия для выработки таких людей — можно ли их ожидать в сколько нибудь близком будущем, — это вопросы, не требующие ответа. От малых и до великих степеней, карьера тюремщика карьера неудачников. Что же касается расходов на тюремное дело, то

трудно рассчитывать на большую щедрость народного представительства в этом отношении— по весьма понятным причинам.

Выводы, к которым должен прийти с неизбежностью по отношению к оценкам наказания тюрьмой каждый объективный наблюдатель—крайне безотрадны. Своих ближайших целей, тех целей, ради которых оно существует и во имя которых оно во второй половине прошлого века получило такое пышное развитие,— оно абсолютно не достигает. Те ожидания, которые представляются до сего дня и на практике, и в литературе к тюрьмам,— покоятся на глубоком, на почти непонятном заблуждении. Единственное, что может быть сказано к пользу тюрьмы,—это то, что среди всех современных карательных мѣръ оно наиболее гуманная мѣра (оставляя в стороне денежные наказания, о которых скажем ниже), и что, за отсутствием других возможных областей карательного воздействия, приходится удовлетвориться воздействием на благо личной свободы.

Однако, могут нам возразить, если все это такъ, то не вытекает ли отсюда другой вывод? Не приходится ли признать, что какъ разъ съ уголовно политической точки зрѣнія правы тѣ, кто, исходя изъ самых разнообразных основных положений—въ томъ числѣ и изъ соображений христіанской морали— отрицаютъ наказаніе. Мы только что видѣли, что карательныя системы всехъ культурныхъ странъ сводятся, въ общемъ и цѣломъ, къ лишенію свободы: смертная казнь вымираетъ, тѣлесныя наказания вымерли, денежные наказания, каковы бы ни были ихъ достоинства и недостатки, могутъ быть фактически примѣняемы въ сравнительно немногихъ случаяхъ. Мало того, лишеніе свободы, въ преобладающемъ большинствѣ, принимаетъ именно характеръ тюрем-

наго заключенія: ссылка не можетъ быть примѣняема во всехъ государствахъ, да и тамъ, гдѣ она примѣняется, въ цѣлесообразности ея все болѣе и болѣе сомнѣваются. И вотъ, оказывается, что эта почти единственная оставшаяся въ распоряженіи государства форма карательнаго воздействия страдаетъ такими существенными а, повидимому, неустраняемыми недостатками. Не лучше ли советамъ отказаться отъ института уголовного наказания и сосредоточить всю энергію и всѣ средства, которыми такимъ путемъ освободятся, на борьбу съ общественными условиями, благоприятствующими развитію преступности? Не въ этомъ ли рѣшеніе задачи?

Я не стану оспаривать, что предупредительная борьба съ преступностью, о которой серьезно и плодотворно заговорили лишь во второй половинѣ прошлого века, является одной изъ важнѣйшихъ государственныхъ задачъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на этомъ пути возможно достигнуть очень многого. Относясь нѣсколько скептически къ теоріи блестящаго Эрика Ферри о «замѣстителяхъ наказанія» (sostitutivi penali) и въ частности къ многимъ изъ тѣхъ, которые онъ самъ предлагаетъ, надо все таки признать правильность той мысли, что цѣлѣй рядъ реформъ политическихъ и социальныхъ въ любомъ государствѣ поведетъ къ вымиранию цѣлыхъ категорій преступныхъ дѣяній. Это—азбука, на которой нечего останавливаться, но чтобы при этомъ возможно было въ сколько нибудь близкомъ будущемъ советамъ прекратить карательную дѣятельность—въ этомъ позволительно весьма и весьма сомнѣваться. Мало того, сомнительно, слѣдуетъ ли—*rebus sic stantibus*—къ этому стремиться. И это потому, что существованіе наказанія—лучше сказать, карательной угрозы—оправдывается соображеніями, независимыми отъ того, насколько

ко въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ, по отношенію къ тому или другому преступнику, даже къ цѣлому хлѣ классу, наказаніе достигаетъ своей спеціальной цѣли—исправления, устрашенія и т. д.

Здѣсь не мѣсто, конечно, входить въ подробное обсужденіе и разборъ знаменитаго спора двухъ основныхъ теорій—общаго и спеціального предупрежденія (General- и Specialprevention). Да это и безцѣльно: практически споръ давно рѣшенъ. Если бы государство (какое бы то ни было) ставило себѣ задачей «спеціальное предупрежденіе», если бы оно пользовалось наказаніемъ только для того, чтобы достигать извѣстныхъ цѣлей въ примѣненіи къ лицамъ, впадшимъ въ преступленіе,—устрашеніе, исправленіе и т. п.,—ему бы давно пришлось, по правдѣ говоря, «закрѣпить лавочку», до такой степени очевидно, что эти цѣли въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ не достигаются. Поэтому, если наказаніе продолжаетъ существовать, и если въ настоящее время развѣ только какіе нибудь утопическіе фантасты считаютъ возможной его отнятію полностью, то это объясняется существованіемъ другихъ—достижимыхъ и достигаемыхъ цѣлей: цѣлей «общаго предупрежденія».

Любопытно отмѣтить, что сплошь и рядомъ вездѣ, въ каждомъ государствѣ, имѣютъ мѣсто случаи непримѣненія наказанія къ тому или другому преступнику. Присяжные, оправдывая, верѣдко въ сущности говоря, «процпаютъ»—и въ извѣстной дозѣ такіе оправдательные приговоры перенариваются общественной психикой, а въ извѣстныхъ случаяхъ даже одобряются: тогда, когда формализмъ закона сталкивается съ особыми условиями жизненной обстановки.

Но попробуйте представить себѣ, чтобы здѣсь или тамъ граждане цѣлаго города или

области рѣшили сплошь выносить оправдательные приговоры, по мотивамъ христіанской морали... Это было бы возможно только при достиженіи такого высокаго нравственнаго уровня, при которомъ самое совершеніе преступленія въ этой средѣ сдѣлалось бы немисланнымъ. Тогда, конечно, не было бы и надобности въ уголовныхъ законахъ. Но при теперешнихъ условіяхъ общенія—до радикальнаго измѣненія которыхъ не доживутъ еще въ теченіе вѣковъ—всякое учащеніе такихъ оправдательныхъ приговоровъ вызываетъ почти инстинктивную общественную реакцію, ясно обнаруживающую, въ чемъ общество видитъ главную коренную задачу наказанія.

Задача эта была еще болѣе ста лѣтъ тому назадъ съ нечерпывающей полнотой и блистательной ясностью формулирована гениальнымъ Фейербахомъ. И въ основныхъ своихъ чертахъ его формулировка остается правильной и въ настоящее время, и останется таковою и впредь. Онъ появлял и объяснял, что суть наказанія, смыслъ его существованія—въ извѣстныхъ общественно психологическихъ эффектахъ, достигаемыхъ имъ. Онъ подчеркивалъ, что центр тяжести заключается не въ исполненіи наказанія, а въ угрозѣ; что эта угроза должна создать контръ-мотивы тѣмъ мотивамъ, которые могутъ толкать къ преступленію; и что поэтому отдѣльные случаи преступленій вовсе не свидѣтельствуютъ о безполезности наказанія, ибо они не даютъ никакого представленія о томъ великомъ множествѣ другихъ случаевъ, когда угроза наказаніемъ удержала отъ вступленія на преступный путь.

Какія бы возраженія ни приводились противъ теоріи Фейербаха, несомнѣнно одно: основная его мысль безусловно правительна и подтверждается всею исторіею уголовного законодательства. Запрещающія извѣстныхъ дѣянія и санк-

дционируя эти запреты уголовными карами, законодателя всѣхъ временъ и народовъ стремились къ одному: страхомъ грозящаго наказанія побудить къ повиновенію нормѣ, отворотить отъ ея нарушенія. Это до такой степени ясно и очевидно, что трудно повать, какія могутъ быть возраженія.

Однимъ, кстатѣ сказать, изъ наиболѣе ходячихъ, направленныхъ противъ Фейербаха, является то возраженіе, что, дескать, по его теоріи непонятно, какъ можно наказывать преступника: разъ смыслъ наказанія въ угрозы, угроза не достигла цѣли, значитъ, преступникъ не испытывалъ ея силы, — другими словами, онъ невѣняемъ. Но, оставляя въ сторонѣ вопросъ о вѣняемости, который сюда никакого отношенія не имѣетъ, нужно сказать, что эти возраженія въ высшей степени искусственны. Ибо всякому понятно, что угроза только тогда и имѣетъ значеніе въ глазахъ не-преступниковъ, когда она приводится въ исполненіе по отященію къ преступникамъ.

Конечно, основныя идеи Фейербаха въ настоящее время должны быть формулированы съ болѣе сложными и тонкими отѣнками. Онъ придавалъ слишкомъ большое значеніе непосредственно уголовному закону, который, вѣдь, остается неизвѣстнымъ огромной массѣ населенія. Онъ преувеличивалъ значеніе психическаго принужденія, которое на самомъ дѣлѣ не является всегда въ такой именно формѣ. Можно думать, что огромная масса населенія воздерживается отъ преступленій, такъ сказать, безсознательно, не принимая въ соображеніе требованій уголовного закона. Но при всемъ томъ основное, непреходящее значеніе наказанія, какъ санкціи извѣстныхъ запретовъ или велѣній, поднимающей ихъ авторитетъ и напоминающей о необходимости ихъ соблюденія, — этотъ основной принципъ ученія остается вѣрнымъ и до днесь, и

мы не предвидимъ, чтобы когда нибудь онъ былъ опровергнутъ и оставленъ.

Государство не можетъ обойтись безъ комплекса велѣній и запретовъ, исполненіе которыхъ необходимо для блага общегитія. Но для того, чтобы эти «нормы» имѣли въ глазахъ всѣхъ и каждаго надлежащее значеніе, законодатель санкционируетъ ихъ карательной угрозой. И совершенно справедливо сказано проф. Сергѣевскимъ, что эта общая и главная задача остается на-лицо и достигается, хотя бы ни одна изъ «спеціальныхъ» цѣлей не была достигнута.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы государство могло пренебрегать этими цѣлями, забыть о нихъ. Но мое личное убѣжденіе заключается въ томъ, что имѣющіяся въ этомъ отношеніи возможности — минимальны, что онѣ страшно преувеличены.

Я не представляю себѣ, чтобы наказаніе, будучи неизбежно и по самому своему существу — страданіемъ (*malum*), могло быть такъ организовано, чтобы такъ сказать, воспитывать людей къ добродѣтели. Обыкновенно упускаютъ изъ виду, что преобладающее большинство людей, подвергаемыхъ наказанію, считаютъ его несправедливымъ и неавторитетнымъ. Съ одной стороны, многіе отдаютъ себѣ смутно отчетъ въ томъ, что на путь преступленія ихъ толкнули либо дурныя общественныя условія, либо орада, примѣръ, отсутствіе присмотра и помощи, либо, наконецъ случайное неблагоприятное стеченіе обстоятельствъ, — съ другой — самая процедура наказанія, унижака и клейма человѣческую личность, ожесточаетъ сердце. Современный преступникъ можетъ сказать: вы требуете, чтобы я испунилъ свою вину, вы меня наказываете, чтобы другимъ повадно не было, вы сознательно и хладнокровно подвергаете меня униженію и страданію. У васъ власть, у васъ, пожалуй,

право,—я долженъ подчиниться, хотя вы до сихъ поръ не сдѣлали ничего или сдѣлали очень мало для того, чтобы протянуть мнѣ руку помощи, которая своевременно, быть можетъ, меня бы спасла. Я вамъ подчиняюсь,—но не ждите отъ меня, чтобы я видѣлъ въ васъ своихъ благодѣтелей. Если бы вы думали о моемъ добрѣ, вы бы и теперь иначе отвѣдлись ко мнѣ.

Конечно, это только воображаемый монологъ,—но я глубоко убѣжденъ, что эти и тому подобныя мысли смутно бродятъ въ головахъ огромной массы «объектовъ наказанія».

Оттого я полагаю, что гораздо жизненнѣе и обладаютъ гораздо большимъ значеніемъ тѣ мѣры, которыя направлены къ сокращенію объема примѣненія наказанія. Опасность здѣсь заключается въ томъ, чтобы не перейти той границы, за которой уже начинаютъ страдать интересы общаго предупрежденія. Это—одно изъ серьезнѣйшихъ возраженій противъ института, такъ называемаго, условнаго осужденія, и хотя приверженцы этого института не признаютъ правильности возраженія, но все же вынуждены съ нимъ считаться, ограничивая область примѣненія условнаго осужденія. Совершенно очевидно, что, съ точки зрѣнія интересовъ спеціальнаго предупрежденія, торжественный судебный приговоръ, осуждающій виновнаго, но условно отсрочивающій приведеніе въ исполненіе наказанія, можетъ имѣть еще большее, пожалуй, значеніе для крупнаго преступника, впервые нарушившаго законъ, чѣмъ для мелкаго. Но интересы общаго предупрежденія не мирятся съ оставленіемъ крупнаго преступленія безъ наказанія, къ какому бы благоприятнымъ результатамъ ни привело изслѣдованіе личности преступника и его мотивовъ. Известный *modus in rebus* здѣсь неизбѣженъ и признается всеми. Условное осужденіе предлагается и вводится только въ отношеніи сравнительно

маловажныхъ преступленій, не представляющихъ особой общественной опасности. Этимъ, конечно, не умаляется его относительное значеніе.

Рядомъ съ этимъ можетъ быть поставленъ и болѣе общій вопросъ о пересмотрѣ всего уголовного кодекса, и въ общей и въ особенной части, съ тщательнымъ взвѣшиваніемъ всѣхъ соображеній, обусловившихъ криминализацию извѣстныхъ дѣяній. Не слѣдуетъ забывать, что въ этомъ отношеніи современные составители кодексовъ, вводя то или другое дѣяніе въ число наказуемыхъ или исключая его изъ этого числа, руководятся самыми разнообразными, часто плохо проверенными соображеніями, зачастую простой рутинной, традиціей, подражаніемъ. Это и неудивительно, потому что твердыхъ научныхъ основаній уголовной политики (въ настоящемъ смыслѣ слова, а не въ смыслѣ «мѣръ борьбы съ преступностью») до настоящаго времени нѣтъ и въ зачаткѣ. И если съ этой точки зрѣнія вполне рациональный кодексъ—дѣло весьма и весьма отдаленнаго будущаго, то все же нѣкоторыя данныя имѣются и теперь, при помощи коихъ возможно критически отнестись къ криминализации того или другаго дѣянія. Напомнимъ, что цѣлый рядъ преступленій, предусмотрѣнныхъ уложеніемъ о наказаніяхъ, выпалъ изъ уголовного уложенія. И по этому пути возможно было бы пойти и нѣсколько дальше. Въ частности, весьма интересенъ вопросъ о цѣлесообразности расширенія понятія, такъ называемаго, *thätige Reue*, фактически выраженнаго раскаянія (возвращеніе похищеннаго, тушеніе подожженнаго, изятіе назадъ оскорбительныхъ словъ и т. п.), какъ обстоятельства, ведущаго не только къ смягченію наказанія, но и къ полному его устраненію.

Сюда же, наконецъ, относится и большее развитіе системы денежныхъ наказаній.

Но затѣмъ несомнѣнно, что и въ теперешней организаціи лишенія свободы у насъ, въ Россіи, возможно устраненіе ряда вредныхъ и уродливыхъ придатковъ, возможна большая индивидуализація наказанія.

Я написалъ слово «возможно»—и невольно поколебался: въ самомъ дѣлѣ, возможно ли? Въдѣ, какое главное и первое условіе этой возможности? Нужно, чтобы тюремная администрація вел, отъ мала до велика, была «на высотѣ положенія». Нужно, чтобы была устранена возможность мысли о побряккахъ, покупаемыхъ за деньги. Нужно, чтобы люди, стоящіе во главѣ дѣла и непосредственно имъ завѣдующіе, интересовались бы имъ и смыслили бы въ немъ. Нужна подготовка, нужны спеціальныя знанія. А для всего этого нужны деньги. А между тѣмъ, достиженіе одного лишь внѣшняго благоустройства требуетъ огромныхъ суммъ. Конечно, то безобразное, несдыханное въ цивилизованномъ государствѣ переполненіе тюремъ, коего мы являемся свидѣтелями,—явленіе временное. Надо думать, что когда нибудь прекратится эта чудовищная гипертрофія. Но и для нормальныхъ условій наши тюрьмы, за весьма немногими исключеніями, плохо приспособлены. Такъ что введеніе сколько нибудь сноснаго внутренняго порядковъ, улучшеніе персонала и т. д.—все это отодвигается въ весьма отдаленное будущее...

* * *

Отъ этого невольно затинувшагося экскурса возвращаюсь къ «Крестамъ».

Выше я упомянулъ о томъ, какой отрадой является въ тюрьмѣ полученіе извѣстій изъ внѣшняго міра. Нужно замѣтить, что мы, петербургскіе заключенные, находились въ нѣскольکو вѣныхъ условіяхъ, въ этомъ отношеніи, чѣмъ наши товарищи. Въ концѣ перваго мѣсяца мо-

его пребыванія въ «Крестахъ» я получилъ письмо, адресованное ко мнѣ на мою петербургскую квартиру А. Р. Ледницкимъ, моимъ товарищемъ по первой думѣ, также осужденнымъ по дѣлу о Выборгскомъ воззваніи и отбывавшимъ наказаніе въ Москвѣ, въ качествѣ осѣдлаго москвича. Изъ письма Ледницкаго я могъ убѣдиться, что положеніе товарищей-москвичей довольно существенно разнилось отъ нашего, и не къ нашей выгодѣ. Правда, мы (я, по крайней мѣрѣ) не подверглись нѣкоторымъ мелкимъ придиркамъ, о которыхъ сообщало письмо. Ледницкій рассказываетъ, что ему и его товарищамъ не было разрѣшено имѣть свое постельное бѣлье, пледы, подушку, карандаши, но, съ другой стороны, у нихъ оказались огромныя и неопредѣляемыя преимущества: право не стѣсненнаго, а лишь контролируемаго, писанія и получения писемъ въ какомъ угодно количествѣ, ежедѣльные свиданія съ родными и близкими, помѣщеніе всѣхъ осужденныхъ по дѣлу о воззваніи въ смежныхъ камерахъ и совмѣстныхъ прогулки. Мы ничего этого не имѣли. Я, поступивъ 14 мая, имѣлъ первое свиданіе въ тюрьмѣ 1 іюня, второе—22 іюня. Что касается прогулокъ и мѣста нахожденія, то была примѣнена большая тщательность къ тому, чтобы насъ раздѣлять: въ частности, во время прогулки наблюдалось, чтобы по нѣскольکو члѣвъкъ «уголовныхъ» отдѣляло другъ отъ друга членовъ государственной думы, если случайно въ смѣну попадало два или три члѣвъкъ (больше не бывало). Писаніе писемъ также подчинено было правиламъ, очень, какъ извѣстно, скупнымъ; въ этомъ отношеніи нужно прибавить, что о тюремномъ режимѣ было воспрещено писать, и такое письмо, какъ письмо Ледницкаго, никогда бы не могло выйти изъ «Крестовъ». Но и по отношенію къ получаемымъ письмамъ исключена была свобода содер-

жания, и мнѣ въ этомъ отношеніи пришлось пережить маленькое злоключеніе.

На первыхъ порахъ и я самъ, и мои близкіе были убѣждены въ томъ, что сообщать политическія новости — нельзя. Соответственно этому и писались письма. Но вотъ я получаю длинное письмо, на четырехъ страницахъ, чрезвычайно меня обрадовавшее, съ рассказомъ о всѣхъ выдающихся событіяхъ дня. Такъ какъ мой корреспондентъ—членъ правленія общества патронажа, и ему специально поручены «Кресты», то я полагаю, что его письмо доказываетъ ошибочность моихъ предположеній, и что содержаніе писемъ — безразлично (конечно, посколькy оно не является «криминаломъ»). Я не замедлилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія моихъ близкихъ, и съ тѣхъ поръ ихъ письма стали пестрѣть политическими извѣстіями. Само собою разумѣется, что при массѣ получаемыхъ писемъ и господствующей манерѣ писать неразборчиво, это могло продолжаться довольно долго. Но вотъ одинъ мой пріятель, извѣстный среди близкихъ рѣдкой неразборчивостью почерка, сталъ мнѣ посылать длинныя посланія, напечатанныя (каюсь, по моей просьбѣ...) на Ремингтонѣ, извѣщавшія меня и о думскихъ преніяхъ, и о революціи въ Персіи и т. д. И вотъ, въ одинъ день явился ко мнѣ въ камеру самъ начальникъ тюрьмы и заявилъ мнѣ, что такія письма незаконны и пропускаемы быть не могутъ. Въ видѣ исключенія мнѣ было разрѣшено прочесть инкриминированное письмо, но съ обязательствомъ передать его потомъ заведующему корпусомъ¹⁾.

¹⁾ Этотъ же визитъ начальника ознаменовался слѣдующей комической деталью. Для того, чтобы нѣсколько „оживить“ безрешетчатую обстановку кельи, я вздумалъ прикрѣпить кнопками получаемыя открытки съ видами и картинками къ деревянной внутренней облицовкѣ двери. Такъ какъ

съ тѣхъ поръ я получалъ политическія извѣстія лишь вскользь, часто завернутыя въ аллегорическія покрывала и помѣщенные въ рядѣ другихъ сообщеній невяжнаго характера. И, конечно, я даже не имѣлъ возможности отвѣтить А. Р. Делницкому и рассказать ему о нашемъ житіѣ-бытіѣ.

Какъ это ни покажется странно, но, находясь въ тюрьмѣ, всего труднѣе изучать ее. Знакомился съ порядками, съ распредѣленіемъ дня, до нѣкоторой степени съ правами. Но полное отсутствіе общенія, отсутствіе возможности сравнивать и провѣрять впечатлѣнія, а главное—ограниченность поля зрѣнія—все это ставитъ почти непреодолимыя препятствія, въ особенности при условіи сравнительно краткосрочнаго наказанія.

Кстати объ этой краткосрочности, личный опытъ убѣдилъ меня, до какой степени трудно дать себѣ отчетъ въ значеніи и тяжести того или другого срока лицу, никогда не испытывавшему лишеніе свободы.

Отбывая своя три мѣсяца полностью, я видѣлъ рядомъ съ собою людей, приговоренныхъ къ самымъ разнообразнымъ и иной разъ страннымъ срокамъ. Нормальный срокъ одиночной тюрьмы, какъ извѣстно, не превышаетъ года. Но въ виду возможности замѣны тюрьмой уголовныхъ наказаній для несовершеннолѣтнихъ и престарѣлыхъ сроки могутъ доходить до нѣсколькихъ лѣтъ. Въ бытность мою въ «Крестахъ», парямахерскія функціи исполняли несовершеннолѣтніи, отбывавшіе шестилѣтній срокъ за убійство. Овъ очень хорошо и тщательно брилъ. Не знаю, послужила ли ему именно бритва ору-

при входѣ начальства дверь остается открытой, то это „украшеніе“ довольно долгое время оставалось незамѣченнымъ. Но на этотъ разъ начальникъ притворилъ за собой дверь—и ему сейчасъ же кликнули въ глаза картинки. Пришлось ихъ снять..

діємъ убійства, но овъ владѣлъ ею превосходно и, помнитса, все спрашивалъ: не беспокоятъ ли? На видъ овъ былъ довольно тупымъ парнемъ съ отгадывающей физиономіей. Случаются и десяти, и двѣнадцатилѣтніе сроки. Можно себя представить, какіе «граждане» вырабатываются двѣнадцатилѣтнимъ сидѣніемъ! Трудно придумать что набудь болѣе безмысленное.

Но не говоря уже объ этихъ страшныхъ, противоестественныхъ срокахъ, человѣку, не знающему, что такое лишеніе свободы, невозможно представить себѣ реальное значеніе сколько нибудь продолжительныхъ сроковъ. Лично я, напр., находясь въ тѣхъ исключительно благоприятныхъ физическихъ и нравственныхъ условіяхъ, о которыхъ упоминалъ выше; въ тюрьмѣ я имѣлъ возможность умственной работы и наслажденія художественнаго, читая Данте, Гете, Гюго, Ницше и др. Сочувствіе общества, сознаніе исполненнаго нравственнаго долга, полная невозможность считать себя «преступникомъ», — наконецъ возможность непосредственнаго изученія и испытанія того, что до сихъ поръ было предметомъ чисто теоретическаго ознакомленія: все это поднимало энергію, бодрость, все это способствовало быстротѣ теченія времени. И все же, оглядываясь назадъ, мнѣ зачастую казалось, что уже цѣлая вѣчность прошла со дня моего водворенія, а, смотря впередъ, остается вѣчность впереди. Это, конечно, объясняется очень просто однообразіемъ жизни, связанной съ ея неестественностью. Въ это однообразіе только умственные переживанія вносятъ краски и оживленіе. Непителлигентные заключенные этого разнообразія лишены, и время для нихъ должно тянуться съ жестокой медленностью.

Въ этомъ—также одинъ изъ коренныхъ, неустрашанныхъ дефектовъ тюрьмы: она не допускаетъ слишкомъ длинныхъ сроковъ и не мо-

жетъ спускаться ниже извѣстнаго минимума. Остаются средніе сроки, которые должны соответствовать всему разнообразію преступныхъ дѣяній.

Но повторяю: въ сущности говоря, и законодатель, назначающій за то или другое дѣяніе тюремное заключеніе въ предѣлахъ извѣстнаго максимума и минимума, и судья, выбирающій въ этихъ предѣлахъ извѣстную мѣру, оба они дѣйствуютъ ощупью. И ни тотъ, ни другой не отдають себѣ отчета о дѣйствительной тяжести того «malum passivum», которое, по словамъ Гроція, infligitur propter malum actionis».

Какъ бы то ни было, три мѣсяца, будучи вполне достаточнымъ срокомъ для того, чтобы опѣнать значеніе лишенія свободы, едва ли какъ сказано достаточно, при условіяхъ одиночнаго режима, для изученія тюремныхъ нравовъ и порядковъ. И потому естественно, что наблюденія, здѣсь излагаемыя, должны имѣть отрывочный и далеко не исчерпывающій характеръ.

Остановлюсь, прежде всего на тюремномъ персоналѣ.

Не приходится, понятво, тратить время на доказываніе той самоочевидной истины, что свойства и качества административнаго персонала при современномъ тюремномъ режимѣ, — это альфа и омега всего дѣла. Стройте какіе угодно паноптикумы, заводите, какія вздумается, европейскія новинки, вычисляйте размѣры келья, придумывайте занятія—все это окажется безразличнымъ и недостижимымъ дѣломъ, если у васъ въ распоряженіи не окажется людей, необходимыхъ въ качествѣ руководителей этимъ дѣломъ и имѣющихъ нужные для того данныя. Имѣются ли у васъ эти люди? Боюсь, что это вопросъ риторическій...

Собственно говоря, ближайшее и единственное общеніе, которое имѣетъ заключенный—это общеніе съ низшими представителями администра-

ціи—постовыми надзирателями, денно и нощно по-смывно дежурящими въ корридорахъ, выпускающими въ камеру и выпускающими изъ нея, наблюдающими за разсѣлкой пици и кипятка, за уборкой камеръ, открывающими койки, запирающими на ночь окна на замокъ, зажигающими и тушащими электрической свѣтъ 1).

Сношенія съ прочими лицами происходятъ рѣдко, всегда по какимъ нибудь спеціальнымъ поводамъ. Постовой надзиратель—это низшій, но вмѣстѣ съ тѣмъ единственный органъ, дѣйствительно близкій (съ вышней стороны) къ заключенному. Что же онъ изъ себя представляетъ?

Прежде всего, вотъ нѣсколько вышнихъ данныхъ.

Постовой надзиратель дежуритъ въ среднемъ 70—75 часовъ въ недѣлю! Черезъ день—отъ 12-ти дня до 9-ти вечера и съ 6-ти слѣдующаго утра до 12-ти, и затѣмъ два-три раза въ недѣлю, либо съ 9-ти вечера до 2-хъ утра, либо съ 2-хъ утра до 6-ти утра.

Все это время надзиратель ходитъ взадъ и впередъ, смотреть, слушаетъ, входитъ къ заключеннымъ по ихъ звонку и для исполненія той или другой изъ вышеупомянутыхъ обязанностей, предупреждаетъ каждаго за 5 минутъ до прогулки, два раза въ день. Въ среднемъ надзиратель отпираетъ и запираетъ каждую келью 7—8 разъ, не считая отпиранія маленькой дверки форточки для раздачи кипятку, корреспонденціи, булокъ, обѣда, ужина. Черезъ него происходятъ всѣ сношенія, подаются заявленія, выписываются продукты изъ лавки, къ нему обращаются каждый разъ, когда нужно видѣть кого нибудь изъ «начальства» повысить. Онъ наблюдаетъ за тишиной и порядкомъ, за чистотой, за тѣмъ, чтобы блестяли окна, онъ

1) Каждая келья имѣетъ свой выключатель.

«провѣряетъ» заключеннаго, отодвигая заслонку и заглядывая въ круглый стеклянный «глазъ», помѣщенный въ срединѣ двери. У него, наконецъ, есть множество всякихъ другихъ хозяйственныхъ и административныхъ обязанностей, незамѣтныхъ для заключеннаго.

Это—должность, какъ принято выражаться, «каторжная». Она оплачивается жалованьемъ въ 19 (девятнадцать) рублей и казенной квартирой, при своей пищѣ.

Если прибавить, что у насъ, въ Россіи, и въ особенности въ настоящее время, званіе «тюремщика» особенно ненавистно и презрѣнно;—что надзиратель «на волѣ» постоянно подвергается проявленію этихъ чувствъ; что по общему правилу онъ окруженъ той же атмосферой ненависти и въ средѣ самихъ заключенныхъ;—то станетъ ясно, изъ какихъ элементовъ долженъ нормально комплектоваться составъ надзирателей. Станетъ понятнымъ желаніе значительнаго числа надзирателей отдѣлаться отъ «невynosимой» должности, «терзающей» ихъ, «измочалившей ихъ нервы». «Скучно здѣсь, тяжело»—вотъ, что написано на огромномъ большинствѣ этихъ по большей части молодыхъ, безбородыхъ лицъ.

Впрочемъ, естественно, что и здѣсь встрѣчается разнообразіе и самихъ типовъ и способовъ реагированія на обстановку.—Во время моего пребыванія въ «Крестахъ» я, между прочимъ, прочиталъ вышедшую въ 1907 году книгу Joh. Jäger'a, 17 лѣтъ состоящаго священникомъ при тюрьмѣ. Книга эта, затрагивающая крупнѣйшіе вопросы уголовного права, особенными достоинствами не отличается, хотя ея критикѣ новѣйшихъ ученыхъ—и въ особенности, взглядовъ Листа—нельзя отказать въ лѣткости и остроуміи. Но мнѣ были особенно интересны сопоставленія отзывовъ автора о разныхъ сторонахъ нѣмецкой тюрьмы съ тѣмъ,

что наблюдается у насъ. Въ опытности и знакомствѣ съ дѣломъ автору нельзя, конечно, отказать, и это придаетъ значеніе его замѣчаніямъ. И вотъ у Jäger'a я нашелъ горькія жалобы на составъ надзирателей въ тюрьмахъ Германіи. По его отзывамъ, это—люди, совершенно не понимающіе смысла своихъ обязанностей, относящіяся къ нимъ чисто-механически, мало-развитые, иногда добродушные и мягкіе, но чаще всего грубые и ненавидимые арестантами. Между тѣмъ Jäger придаетъ огромное значеніе роли надзирателей и въ виду этого рекомендуетъ рядъ мѣръ для улучшенія ихъ состава. Осуществимы ли или нѣтъ эти мѣры въ Германіи, я, конечно, не берусь сказать, но у насъ ничего подобнаго достигнуть нельзя. Прежде всего по финансовымъ соображеніямъ, а затѣмъ и въ виду уже упомянутого и за послѣднее время еще глубже укореившагося отвращенія и презрѣнія къ роли тюремщика. Это обстоятельство, въ связи съ скудостью оклада, при огромномъ трудѣ, приводитъ къ тому, что на должность надзирателей идутъ элементы весьма и весьма сомнительные. Всякіе неудачники, люди, которымъ некуда дѣваться. По большей части—скажу даже почти исключительно—это совершенно неразвитые и невѣжественные парии, не вмѣющіе, разумеется, ни въ малѣйшей степени способности «влиять» на заключенныхъ. Иные изъ нихъ озлоблены всеобщей ненавистью и какъ будто стараются стать еще болѣе достойными ея: шпіонятъ, придираются, ругаются. Другіе—потупѣе—равнодушно относясь къ своему положенію, ограничиваются формальнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, все время дожидаясь ища возможности найти себѣ лучший способъ пропитанія. Наконецъ, третьи—и это, вѣроятно, самая многочисленная категорія,—стараются извлечь выгоды изъ своего положенія. Само собою разумеется, что надзи-

ратель, вступившій на этотъ путь, теряетъ послѣднюю тѣнь нравственнаго авторитета. Впрочемъ, едва ли вообще есть возможность говорить объ этомъ авторитетѣ. «Начальство» тутъ, разумеется, ничего поддѣлать не можетъ, если бы и хотѣло. Оно слишкомъ хорошо знаетъ, что это за народъ, чего онъ стоитъ, и что отъ него можно требовать...

Такимъ образомъ, низшій органъ, ближайшій къ арестанту, слѣдуетъ признать безусловно никуда негоднымъ. Что сказать объ остальныхъ?

Главное значеніе въ каждомъ корпусѣ имѣетъ старшій надзиратель. Онъ одинъ на весь корпусъ, ему подчинены все младшіе надзиратели. Собственно говоря, фактически отъ него все зависитъ и все въ его рукахъ. По существу онъ главное лицо въ корпусѣ.

Я не намѣренъ здѣсь дѣлать личныя характеристики. Скажу только, что старшій надзиратель—это типическій вахмистръ, съ его достоинствами (исполнительностью, аккуратностью, молодцоватостью) и недостатками: отсутствіемъ образованія, недостаточностью развитія. Какъ органъ чисто административный—если онъ честенъ, добросовѣстенъ и толковъ—онъ можетъ быть хорошъ. Но ожидать отъ него сколько нибудь возвышеннаго взгляда на свои задачи, думать, что ему доступна мысль о какомъ либо нравственномъ воздѣйствіи на заключеннаго, вообще примѣнять къ нему требованія пенитенціарнаго характера—это было бы чрезъчуръ наивно и страшно бы удивило его самого. Ничего подобнаго, разумеется, ему и въ голову не приходитъ, и онъ къ функціямъ такого рода радикально неспособенъ.

Остаются завѣдующіе съ ихъ помощниками и начальники тюремъ.

Я долженъ сказать, что поскольку дѣло касается лично меня, я не только не имѣю никакого основанія претендовать на этихъ господъ,

но долженъ быть имъ признателенъ за неизмѣнную предупредительность, вѣжливость и не разъ проявившееся участливое вниманіе. Это не должно, конечно, помѣшать искренности моей оффики.

Прежде всего, поражаетъ частая смѣна этихъ должностныхъ лицъ. Во время моего пребыванія въ теченіе шести недѣль смѣнилось трое завѣдующихъ. По словамъ надзирателей, эти смѣны—обычное явленіе. Затѣмъ удивляетъ молодость завѣдующихъ. За однимъ исключеніемъ, это совсѣмъ юные офицеры. Они вполне благовоспитаны, несомнѣнно доброжелательны—повидимому, старательно и добросовѣстно исполняютъ свои обязанности. Но прошлымъ своимъ, они къ этимъ обязанностямъ не подготовлены,—а то обстоятельство, что они люди военные, накладываетъ еще въ болѣе сильной степени печать холодной оффиціальности на ихъ отношеніе къ заключеннымъ. И здѣсь точно также только въ видѣ рѣдкаго исключенія можетъ встрѣтиться живой интересъ къ дѣлу, вѣра въ возможность воспитательнаго воздѣйствія, желаніе поближе заглянуть въ психику арестанта. Да при постоянныхъ смѣнахъ, если бы эти качества и проявились, они бы не успѣли оказаться плодотворными. И потому, самое большее, что можно требовать отъ всѣхъ этихъ молодыхъ офицеровъ,—это именно тѣ качества, которыми, какъ уже замѣчено, они въ «Крестахъ», повидимому, обладаютъ: вѣжливости, гуманности, вниманія. Я помню хорошее впечатлѣніе, испытанное мною, когда по поводу справедливыхъ жалобъ на грубость надзирателя, наблюдающаго за прогулкой арестантовъ, одинъ изъ этихъ офицеровъ вызвалъ его и въ присутствіи другихъ сдѣлалъ ему строгое внушеніе, которое слышали и заключенные.

Что касается начальника тюрьмы, то онъ, понятно, не имѣетъ никакой возможности болѣе

близкаго ознакомленія съ заключенными. Это и не подѣ силу одному человеку, если бы даже онъ и не былъ обремененъ множествомъ другихъ административныхъ обязанностей.

Остается возможность нравственнаго воздѣйствія со стороны учителя и священника. Но здѣсь я вынужденъ умолкнуть, такъ какъ эта область мнѣ осталась неизвѣстной. Едва ли однако въ ней могутъ быть достигнуты существенные результаты.

Живо помню, какъ однажды во время прогулки произошла перебранка между надзирателемъ и арестантомъ. Последний что-то упомянулъ о своемъ правѣ. «Права?»—съ отбѣнкомъ глубокаго презрѣнія произнесъ надзиратель. «Права у васъ тамъ, на волѣ, а здѣсь правотъ никакихъ нѣтъ!»

Въ этихъ немногихъ словахъ выразилась вся сущность отношеній между заключенными и ближайшимъ къ нимъ персоналомъ администраціи. Нечего и говорить, конечно, что каждый надзиратель тыкаетъ всѣхъ уголовныхъ арестантовъ. Насколько я могъ замѣтить, послѣдніе отвѣчаютъ ему тѣмъ же.

Повторяю: возможность дѣлать наблюденія въ тюрьмѣ крайне стѣснена. Я готовъ допустить, что нѣкоторые изъ приводимыхъ мною данныхъ, быть можетъ, не должны быть обобщаемы,—но что дѣлать, другихъ у меня не было.

Всячески отыскивая какіе нибудь слѣды или признаки воспитательнаго значенія тюрьмы, я не могъ не подумать о значеніи чтенія. Всякому ясно, что правильно выбранное, толково организованное, систематическое чтеніе должно имѣть такое значеніе. Какъ же поставлено дѣло въ «Крестахъ»? Оно, можно сказать, вовсе не поставлено. Есть бібліотека, о которой я уже упомянулъ, и есть обычные правила, устанавливающія количество книгъ, которымъ можно пользоваться одновременно, срокъ этого пользованія,

запрет пачкать книги, портить переплеты и проч. Но, сколько я могъ узнать изъ разспросовъ, нѣтъ никакого наблюденія за индивидуальнымъ чтеніемъ; каждый арестантъ можетъ брать какія ему вздумается книги. При этихъ условіяхъ воспитательное, развивающее чтеніе отсутствуетъ. А кто читаетъ и какъ относится къ содержанію чтенія—объ этомъ говорятъ краснорѣчиво надписи на книгахъ. Изъ всѣхъ правилъ едва ли не меньше всего соблюдается именно это запрещеніе—писать на поляхъ. И въ результатѣ нѣкоторыя книги испещрены мыслями и замѣчаніями читателей. Въ этомъ отношеніи можно подѣлать двѣ категоріи: книги общественно-политическаго содержанія и беллетристику. Первые читаются исключительно интеллигентными или полунинтеллигентными заключенными, и здѣсь по комментаріямъ, часто ваивнымъ и малограмотнымъ, а иногда мѣткимъ, можно судить о томъ, какъ многочисленны представители соц.-демократической партіи среди населяющихъ тюрьму. Но беллетристика носитъ явственныя слѣды рукъ уголовныхъ арестантовъ, и слѣды эти во-истину ужасны. Я помню, какое гнетущее впечатлѣніе произвелъ на меня экземпляръ «Братьевъ Карамазовыхъ», до-вельзя загаженный и затасканный. Почти на каждой страницѣ текстъ прерывался замѣчаніями, исполненными самого грязнаго кощунственнаго цинизма. Видно было, что для авторовъ этихъ замѣчаній произведеніе Достоевскаго—книга съ семью печатами. И въ этихъ неожиданныхъ омерзительныхъ комментаріяхъ чувствовалась такая глупина духовнаго мрака и паденія, которую бы повялъ и оцѣнилъ самъ великій художникъ. Что вынесетъ изъ тюрьмы такой читатель?

Въ организаціи бібліотечнаго дѣла, какъ и массѣ другихъ сторонъ тюрьмы, сказывается все та же рутинна, пытаемая умственной лѣнью, полное нежеланіе индивидуализировать заклю-

ченныхъ, форма, лишенная нужнаго содержанія. Можно съ увѣренностью сказать, что никому нѣтъ дѣла до того, что читаютъ заключенные и какъ они реагируютъ на чтеніе.

Какъ ни старательно отгорожены другъ отъ друга тюремные обитатели, все же нѣтъ возможности абсолютно устранить какое бы то ни было общеніе между ними. Одной изъ формъ такого общенія, къ которой прибѣгаютъ «уголовные», и которой способствуетъ крестообразное расположеніе тюремныхъ корпусовъ, является переговариваніе другъ съ другомъ черезъ открытыя окна, въ тѣ часы дня, когда на тюремномъ дворѣ нѣтъ надзирателей. Часто я слышалъ эти разговоры—и ужасался. Одной изъ любимыхъ темъ были противосестественныя сношенія. Надо замѣтить, что въ тюрьмѣ много подростковъ, по большей части, вѣроятно, до мозга костей развращенныхъ,—и вотъ по ихъ адресу раздаются любовности, выраженные, конечно, въ самой откровенной формѣ. «Матерныя» слова являются такой же приправой къ этой бесѣдѣ, какъ соль къ пищѣ. И невольно, слушая ее, я еще и еще разъ себя спрашивалъ: что выйдетъ изъ этихъ людей, что можетъ дать имъ тюрьма? И самый безотрадный отвѣтъ казался очевидностью, совершенно неотвратимой.

* *

На этомъ я кончаю мои отрывочныя и неполныя замѣтки.

Повторяю: пребываніе въ тюрьмѣ, въ особенности кратковременное, меньше всего способствуетъ возможности изучить ее. Но и такое пребываніе достаточно для того, чтобы проникнуться глубокимъ скептицизмомъ по отношенію къ результатамъ примѣненія лишенія свободы, въ качествѣ мѣры «исправительнаго» воздѣйствія.

* *

Чѣмъ ближе подходитъ освобожденіе, тѣмъ

сиянье растет нетерпение: наблюдение не новое, вѣрность котораго испытывается всякимъ заключеннымъ. Новыхъ впечатлѣній уже не ждешь, обстановка прѣдлась, за крупную работу приниматься не стоитъ. Мысль все больше и больше отрѣшается отъ настоящаго и отъ прошлаго, устремляясь въ будущее.

Въ началѣ и въ среднѣ срока дни проходили незамѣтно: теперь, за недѣлю до конца, они тянутся, словно въ нихъ по сорока восьми часовъ.

Къ тому же наступили августовскіе дни, стало холодно, сыро, темно... Поскорѣе, прочь изъ этихъ мрачныхъ стѣнъ, изъ этихъ неестественныхъ, невозможныхъ условий жизни.

Какъ извѣстно, конецъ нашего заключенія ознаменовался нѣкоторой борьбой за правильное пониманіе и точное соблюденіе закона. Дѣло шло всего о двухъ дняхъ, но принципиальное его значеніе несомнѣнно.

Когда я еще въ іюнѣ получивъ листокъ, указывающій, что срокъ моего выхода—14 августа, я немедленно заявилъ временно завѣдующему корпусомъ молодому офицеру, что это явная ошибка, такъ какъ ст. 22 угод. улож. прямо говоритъ, что при исчисленіи сроковъ мѣсяць считается въ 30 дней. Для меня вопросъ былъ настолько ясенъ, что я считалъ достаточнымъ простого указанія на ошибку, увѣренный въ послѣдующемъ ея исправленіи. Вѣдь хорошо извѣстно, по какимъ мотивамъ составители уложенія ввели приведенное правило. Неоднократно указывалось въ литературѣ, что при обычномъ календарномъ счетѣ, разница между отдѣльными мѣсяцами можетъ достигать трехъ дней (февраль—28 дней, мартъ—31 дней), т. е., при назначеніи одного мѣсяца тюрьмы, разница эта равна 10% всего срока. Эта неравномѣрность устраняется введеніемъ однообразнаго счета въ 30 дней.

Е. И. Кедринъ оказался, однако, гораздо дальновиднѣе и опытнѣе меня. Я думалъ, что достаточно словеснаго заявленія, онъ же немедленно подалъ соответствующую бумагу, которую и успѣлъ провести по всѣмъ инстанціямъ, и понадобилось не болѣе, не менѣе, какъ рѣшеніе сената для того, чтобы заставить людей прочесть и понять ясный текстъ закона. Уже, когда іюль былъ на исходѣ, мнѣ сообщили бумагу, въ которой объяснялось, что срокъ въ 30 дней «принимается только для дробныхъ частей мѣсяца». Что означали эти загадочныя слова—для меня до сихъ поръ тайна: какъ извѣстно, при примѣненіи уголовного уложенія ни о какихъ «дробныхъ частяхъ мѣсяца» не можетъ быть и рѣчи. Получивъ это «разъясненіе», я немедленно подалъ мотивированное прошеніе прокурору палаты. Одновременно со мною сдѣлалъ то же М. И. Шефтель. Два дня спустя мы были предупредительно уведомлены, что наша жалоба будетъ рассмотрѣна въ распорядительномъ засѣданіи судебной палаты 2 августа, причѣмъ тутъ сообщалось, что по аналогичной жалобѣ Е. И. Кедрина послѣдовалъ уже отказъ, который, говорилось далѣе, «можетъ быть обоснованъ» по такой то статьѣ уст. уг. суд. Это «обоснованъ» привело насъ въ нѣкоторое недоумѣніе, которое разъяслось, когда мы убѣдились въ томъ, что слово «обоснованъ» стоитъ вмѣсто «обжалованъ». Долженъ, впрочемъ, замѣтить что отказъ палаты въ самомъ дѣлѣ нельзя было «обосновать» никакой статьѣй закона, такъ что здѣсь вышло какъ бы нѣкоторое невольное и безсознательное *testimonium pauper-tatis!*

Предвидя, что 2-го будетъ отказано и намъ, мы съ М. И. Шефтелемъ все-таки рѣшили довести дѣло до сената,—уже не въ своихъ интересахъ; но это оказалось ненужнымъ: какъ разъ 2-го мы узнали о состоявшемся рѣшеніи сената.

Палата же вторично насъ увѣдомила, что наша жалоба будетъ рассмотрѣна «по полученіи указа сената по дѣлу Кедрина». Но это уже насъ не интересовало.

Въ тюрьмѣ такой исходъ дѣла произвелъ огромное впечатлѣніе. Пришлось отобрать и исправить массу листовъ, считая по новому. Въ теченіе двухъ дней только объ этомъ и было разговору. Никто, повидимому, не вѣрилъ, что Е. И. Кедрину удастся добиться своего. Думаю, что кое-кто кое-гдѣ былъ сконфуженъ,—если только въ «этихъ мѣстахъ» способность конфузиться не утрачена на всегда и безвозвратно.

Влад. Набоковъ.

